

мировой бестселлер от автора трилогии «сосны»

Блейк Крауч

*Душераздирающе...
безумное сочетание
Стивена Кинга и
Кормака Маккарти.*

Пэт Конрой

ПУСТОШЬ

Дом страха

18+

Annotation

Однажды в загородный дом Эндрю Томаса, знаменитого автора триллеров, пришло странное письмо, которое начиналось со слов: «Привет! На твоей земле погребен труп, покрытый твоей кровью...» Далее следовало подробное описание того, где лежат останки женщины и что надо сделать, чтобы информация об этом не ушла в полицию. А именно – позвонить по телефону, номер которого записан на бумажке в кармане убитой...

Блейк Крауч
Пустошь
Дом страха

Blake Crouch
DESERT PLACES

This edition published by arrangement with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency

Серия «Город в Нигде. Кинообложка»

© Blake Crouch, 2011

© С. М. Саксин, перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*В каждом из нас живет другой.
И этот другой – убийца...*

Посвящается моим родителям, Клэю и Сюзен Краучам

Слова благодарности

С самого начала я был в хороших руках. Линда Аллен дала мне веру и поддержку и обеспечила прочный фундамент. Она – потрясающий литературный агент и замечательный друг. Марсия Маркленд произвела незабываемое впечатление своей редакторской работой. Блэнд Симпсон, величайший писатель всех времен, первым поверил в меня. С его литературным талантом может сравниться только щедрое великодушие по отношению к ученикам. Мэри Элис Кир и Анна Коттл оказались просто потрясающими, и я признателен им за то, что они были рядом. Диана Су проявила себя настоящим супергероем. Доктор медицинских наук Сэм Стаут, доктор медицинских наук Тед Вэнс, Майкл Джеймс и Марианна Фьюриер поделились своими познаниями в медицине и фармацевтике, ответив на несколько заковыристых вопросов. Пол Лоури стал для меня энциклопедией огнестрельного оружия. Мирна Вуархей рассказала мне о скотоводстве в Пайндейле, а доктор биологических наук Сандра Л. Митчелл любезно предоставила сведения о флоре и фауне высокогорных пустынь округа Саблетт, штат Вайоминг. Доктор филологических наук Ричи Кэндолл, еще одно светило из Университета Северной Каролины, помог решить вопрос, связанный с Шекспиром. Все ошибки, преувеличения и неточности всецело лежат на моей совести. В этот величайший момент, когда работа близится к завершению, меня переполняют теплые чувства к моим родителям Клэю и Сюзен Краучам. Мой брат Джордан предлагает замечательные названия для моих книг, хотя ему самому они не нравятся. Он великолепный парень, и он станет писателем. Что касается жены, мое везение не поддается никаким оценкам. Ребекка, твои любовь и дружба ведут меня вперед. И, наконец, признательный кивок Памеле Бамгарнер, которая поддерживала во мне огонь творчества в непростое время.

Поэтому пугаете напрасно
Тем, что миры безмерны и безгласны
И небеса мертвы. Здесь, за дверьми,
Пространства столь же пусты и ужасны^[1].

В тот чудесный майский вечер я сидел за письменным столом, наблюдая за тем, как солнце садится за озером Норман. До этого момента день был просто превосходным. Я встал в пять утра, как обычно, и, как всегда, приготовил на завтрак омлет и миску свежих ананасов. В шесть часов я уже сел за работу и не останавливался до полудня. Я пожарил двух краппи, которых поймал накануне вечером, и только сел обедать, как мне позвонил мой литературный агент. Когда я завершаю работу над книгой, все мои дела берет на себя Синтия. У нее было для меня несколько сообщений, из них лишь одно действительно важное: переговоры об экранизации моего последнего романа «Синее убийство» завершились. Разумеется, это была хорошая новость, но по моим книгам уже сняты два фильма, так что я к этому привык.

До вечера я работал в своем кабинете и покинул его в половине седьмого. Окончательное редактирование своей последней рукописи, еще не имеющей названия, я собирался завершить завтра. Я устал, но надо было закончить, ибо в течение недели на книжных полках должен был появиться мой новый триллер «Поджигатель». Я наслаждался истощением, следствием целого дня работы. Руки мои болели от клавиатуры, глаза слезились от долгого напряжения. Выключив компьютер, я откатился от стола в кресле на колесиках.

Выйдя из дома, я направился по длинной дороге, вымощенной щебнем, к почтовому ящику. За целый день я впервые оказался на улице, и резкий солнечный свет, проникающий сквозь ряды высоких сосен, обрамляющих дорожку с обеих сторон, обжигал мне глаза. Царила полная тишина. В пятнадцати милях к югу Шарлотт все еще «стоял» намертво, закупоренный сплошной пробкой вечернего часа пик, и я порадовался тому, что не являюсь частью этого безумия. Слушая хруст камешков под ногами, я мысленно представил себе своего друга Уолтера Лансинга, кипящего от злости в своем «Кадиллаке». Сейчас он должен был проклинать последними словами непрерывный гул клаксонов и сплошную вереницу задних габаритных огней, медленно тащась домой к жене и детям от редакции выходящего раз в квартал журнала «Турист», посвященного природе... Нет, это определенно не для меня. Я предпочитаю одиночество.

В кои-то веки почтовый ящик не оказался заполнен под завязку. Внутри лежали два конверта: один со счетом, другой чистый, если не считать напечатанного адреса. Почта от поклонников.

Вернувшись в дом, я смешал коктейль и отправился на веранду с почтой и книгой по криминальной патологии. Устроившись в кресле-качалке, разместил все, кроме коктейля, на стеклянном столике и уставился на воду. Задний дворик небольшой, а по краям его раскинулся на четверть мили в обе стороны густой лес, ограждающий от ближайших соседей мой дом, где я живу на протяжении вот уже десяти лет. Весна в этом году пришла только в середине апреля, поэтому в сплошной зелени различных оттенков тут и там еще виднелись белые с розовым цветки кизила. Сочная трава сбегала к потемневшему от непогоды деревянному причалу у самой кромки воды, где вдоль берега росли плакучие ивы, опустившие в воду кончики своих ветвей.

В том месте, где озеро примыкает к моему поместью, оно имеет в ширину больше мили, и дома на противоположном берегу видны только зимой, когда деревья сбрасывают покрывало листвы. Поэтому сейчас, в самый разгар весны, когда ветви покрылись нежной

зеленую, озеро принадлежало мне одному, и я чувствовал себя единственной живой душой на многие мили вокруг.

Поставив недопитый стакан на столик, я вскрыл первый конверт. Как и ожидалось, в нем оказался счет от телефонной компании, и я внимательно изучил внушительный список звонков. Закончив, отложил счет и взял второй конверт. Марки на нем не было, что показалось мне странным. Вскрыв конверт, я достал лист белой бумаги и развернул его. Посредине черными чернилами был напечатан один абзац:

Привет! На твоей земле погребен труп, покрытый твоей кровью. Несчастную молодую даму зовут Рита Джонс. Не сомневаюсь, ты видел лицо этой пропавшей без вести учительницы в выпусках новостей. В кармане ее джинсов ты найдешь клочок бумаги с номером телефона. У тебя есть один день, чтобы позвонить по этому номеру. Если завтра (17 апреля) до 20.00 ты не свяжешься со мной, в полицейское управление Шарлотта поступит анонимный звонок. Я сообщу, где именно во владениях Эндрю Томаса зарыт труп Риты Джонс, как она была убита и где в доме находится орудие убийства. (Насколько мне известно, с кухни пропал разделочный нож.) Ради твоего же блага я надеюсь, что мне не придется делать этот звонок. На месте могилы я оставил знак. Просто иди вдоль берега к южной границе имения, и ты его найдешь. Настоятельно советую не обращаться в полицию, поскольку я непрерывно наблюдаю за тобой.

Легкая улыбка тронула мои губы. Я даже иронично хмыкнул. Поскольку я пишу о преступлениях и насилии, мои поклонники нередко демонстрируют извращенное чувство юмора. Я получал угрозы, выразительные рисунки и даже сообщения от людей, утверждающих, что совершили убийства в духе тех, которые были описаны в моих романах. Но все же это письмо я решил сохранить. Столь оригинальное послание я еще не получал.

Я еще раз перечитал письмо, однако теперь у меня возникло неприятное ощущение, вызванное в первую очередь тем, что автор продемонстрировал определенное знание расположения моего поместья. Кроме того, разделочного ножа на кухне действительно не оказалось. Аккуратно сложив письмо, я убрал его в карман жилета армейского образца и спустился с крыльца к тропе, ведущей к озеру.

* * *

Солнечные лучи пробивались сквозь дымку, раскрашивая горизонт на западе потеками пролитой краски. Я постоял на берегу озера, глядя на лакированную водную гладь, насыщенную сочными оранжевыми, темно-красными и пурпурными тонами. Казалось, столкнулись вместе два заката.

Вопреки здравому смыслу я двинулся вдоль берега на юг и вскоре уже ступал по шуршащему пологу листвы. Пройдя около одной восьмой мили, остановился. Под ногами, среди россыпи розовых цветов горного лавра, я увидел маленький красный флажок, закрепленный на куске ржавой железной проволоки, воткнутом в землю. Флажок трепетал на ветру, дуящем со стороны воды. Несомненно, это шутка, подумал я, и чертовски хорошая.

Я разгреб опавшую листву, окружавшую отметку, и у меня гулко заколотилось сердце. Земля под флажком была плотно утрамбована – нетронутая почва выглядит совсем не так. Когда я убрал все листья, моему взору открылся даже частичный отпечаток ноги.

Сбежав в дом, я вернулся с лопатой. Поскольку земля уже была перекопана, первые полтора фута, прямо под отметкой, дались мне легко. На глубине двух футов острие лопаты воткнулось во что-то мягкое. У меня замерло сердце. Отбросив лопату, я упал на четвереньки и принялся разгребать землю руками. Мне в нос ударило зловоние, и, по мере того как я копал, оно становилось все сильнее.

Мои пальцы наткнулись на плоть. В ужасе отдернув руки, я отпрянул от ямы. Поднявшись на ноги, устоялся на лодыжку цвета кофе с молоком, едва проступающую под тонким слоем земли. Запах разложения стал невыносимым. Дыша только ртом, я снова взялся за лопату.

Когда тело полностью открылось и я увидел то, что сделал с человеческим лицом месяц пребывания в земле, меня вывернуло на пожухлую листву. Я наивно полагал, что, поскольку пишу о таких вещах, нервы у меня должны быть крепкими. Изучая жуткую работу серийных убийц, я осмотрел бесчисленное количество изуродованных трупов. Но еще ни разу мне не приходилось вдыхать запах разложившейся в земле человеческой плоти, видеть насекомых, копошащихся во влажных полостях...

Совладав с собой, я зажал ладонью рот и нос и снова заглянул в яму. Лицо было обезображено до неузнаваемости, но тело, несомненно, принадлежало невысокой чернокожей женщине, пухленькой, с довольно полными ногами. На ней была футболка, когда-то белая, теперь же перепачканная кровью и грязью. На груди в ткани зияла большая дыра, как раз напротив сердца. Обрезанные джинсы закрывали ноги до коленей. Снова опустившись на четвереньки, я задержал дыхание и протянул руку к карману. Ноги убитой раздулись, распухли, и мне с большим трудом удалось просунуть руку в узкие джинсы. Ничего не найдя в первом кармане, я перешагнул через яму и проверил второй. Засунув руку внутрь, вытащил листок от «гадального печенья»^[2] и откинулся назад, жадно вдыхая полной грудью свежий воздух. На одной стороне был записан номер телефона, на другой – «В ЭТОЙ ПУСТЫНЕ ТЫ ЕДИНСТВЕННЫЙ ЦВЕТОК МЕДИТАЦИИ».

Через пять минут труп вместе с флажком был снова зарыт в землю. Я принес с берега осколок гранита и установил его на примятую землю. Затем вернулся в дом. Времени было без четверти восемь, и небосвод уже погас.

Два часа спустя, сидя на диване в гостиной, я набрал номер телефона, написанный на листке. Все двери в доме были заперты, горел почти весь свет, а на коленях у меня лежала холодная гладь нержавеющей стали револьвера калибра.357.

В полицию я не позвонил только по одной веской причине. Возможно, утверждение о том, что на убитой есть моя кровь, было ложью, однако разделочный нож пропал уже несколько недель назад. Поиски Риты Джонс, которые велись управлением полиции Шарлотта, занимали ведущее место в выпусках новостей. Если ее труп будет обнаружен в моих владениях, если выяснится, что она была убита моим ножом – возможно, с моими отпечатками пальцев, – этого будет более чем достаточно, чтобы предъявить мне официальное обвинение. Я изучил достаточное количество судебных процессов по убийствам и прекрасно это понимал.

Услышав в трубке первый гудок, я поднял взгляд на сводчатый потолок гостиной,

посмотрел на черный рояль, на котором так и не научился играть, на мраморный камин, на разрозненные произведения искусства, украшающие стены. Женщина по имени Карен, с которой я встречался на протяжении почти двух лет, убедила меня купить полдюжины произведений одного недавно умершего минималиста из Нью-Йорка, подписывающего свои работы «Ломан». С первого взгляда этот Ломан не произвел на меня никакого впечатления, но Карен заверила меня, что со временем я его «пойму». И вот теперь, расставшись с двадцатью семью тысячами долларов и очередной невестой, я смотрел на уродство размером десять на двенадцать футов, висящее над камином: холст бурого поносного цвета, с желтым шаром размером с баскетбольный мяч в правом верхнем углу. Помимо «Коричневой композиции № 2», стены моего дома украшали еще четыре похожих шедевра этого гения живописи, но их я еще как-то мог терпеть. На стене внизу у лестницы красовалась «Игра» стоимостью двенадцать тысяч долларов – заключенная в стекло груда чучел животных, сшитых вместе в отвратительное скопление тел, при воспоминании о котором лицо у меня и сейчас залилось краской. Но я улыбнулся, и комок в груди, не дававший о себе знать с прошлой зимы, острой болью пронзил внутренности. Моя язва по имени Карен. Ты по-прежнему здесь. По-прежнему причиняешь мне боль.

Второй гудок.

Я скользнул взглядом по лестнице, поднимающейся к открытой галерее второго этажа, и закрыл глаза. Вспомнил вечеринку, устроенную всего неделю назад: гости смеются, говорят о политике и о книгах, заполняя тишину моего дома. Мысленно увидел наверху мужчин и женщин, облокотившихся на дубовые перила, взирающих сверху на гостиную, на бар, на кухню. Они приветственно поднимали бокалы, махали мне, улыбались...

Третий гудок.

Мой взгляд упал на фотографию матери – пять на семь дюймов, в стеклянной рамке, стоящую на обсидиане рояля. Мать была единственным членом семьи, с кем я поддерживал связь. Хотя у меня есть родственники на Тихоокеанском побережье, во Флориде, и довольно много в обеих Каролинах, я встречаюсь с ними редко – на свадьбах, похоронах и семейных сборищах, куда меня заставляет ходить вместе с ней моя мать. Но поскольку отца моего давно нет в живых, а с братом я не виделся тринадцать лет, семья для меня ничего не значит. Меня поддерживают мои друзья, и, вопреки расхожему мнению, я вовсе не отличаюсь тем затворническим духом, который мне приписывают. Друзья действительно мне нужны.

На фотографии мать сидела на корточках у могилы отца, пропалывая алые лилии, растущие в тени надгробия. В окружении цветов видно было одно только ее сильное, доброе лицо, сосредоточенное на том, чтобы навести порядок на последнем земном пристанище мужа под магнолией, на которую он меня учил залезать, получившуюся на снимке размытой зеленью листвы на заднем плане.

Четвертый гудок.

– Ты видел труп?

Судя по всему, мужчина говорил, обмотав телефон полотенцем. В его четком, отрывистом голосе не было ни чувств, ни колебаний.

– Да.

– Я выпотрошил ее твоим разделочным ножом и спрятал нож у тебя в доме. На нем полно твоих отпечатков пальцев. – Неизвестный откашлялся. – Четыре месяца назад доктор Сю делал анализ твоей крови. Пробирка потерялась. Помнишь, тебе пришлось приходить снова и сдавать кровь еще раз?

– Да.

– Это я украл пробирку. Часть ее содержимого – на белой рубашке Риты Джонс. Остальное – на других.

– Каких других?

– Я делаю всего один звонок – и ты проводишь остаток своих дней за решеткой, а то и получаешь высшую меру.

– Я только хочу...

– Заткни свою пасть! Ты получишь по почте билет на самолет. Готовься к вылету. Возьми с собой одежду и туалетные принадлежности и больше ничего. Прошое лето ты провел на Арубе. Скажешь своим друзьям, что опять отправляешься туда.

– Откуда вам это известно?

– Я много чего о тебе знаю, Эндрю.

– У меня выходит книга! – взмолился я. – Назначены встречи с читателями. Мой литературный агент...

– Солги ей что-нибудь.

– Она не поймет, если я уеду просто так.

– Пошли Синтию Маттис к черту. Ты солжешь ей ради собственной безопасности, ибо если только у меня появится тень подозрения, что ты захватил кого-нибудь с собой или кто-то знает правду, ты отправишься в тюрьму или умрешь. Я гарантирую одно или другое. И надеюсь, что у тебя хватит ума не отслеживать этот номер. Телефон краденый.

– Как я могу быть уверен в том, что со мной ничего не случится?

– Никак. Но если после телефонного разговора с тобой у меня не будет абсолютной уверенности в том, что ты полетишь туда, куда я скажу, я сегодня же позвоню в полицию. Или навещу тебя, пока ты будешь спать. Тебе лучше убрать свой «Смит-и-Вессон».

Вскочив с места, я стремительно развернулся, сжимая револьвер в мокрых от пота руках. В доме стояла полная тишина, только колокольчики на столе тихо позвякивали, качаясь на ветру. Я выглянул в большие окна гостиной на черное озеро. В тронутой рябью поверхности отражались огни причала. В небольшой бухте вдалеке на причале Уолтера горел голубой огонек; мы называли его «фонарем Гэтсби». Мой взгляд прошелся по траве и опушке леса, но было слишком темно, и мне ничего не удалось разглядеть.

– В доме меня нет, – сказал неизвестный. – Сядь!

Я почувствовал, как у меня внутри вскипает что-то – злость и страх, бешеная ярость, порожденная несправедливостью.

– Изменение планов, – решительно заявил я. – Я заканчиваю разговор, набираю девять-один-один, и будь что будет. А ты можешь отправляться...

– Если чувство самосохранения не является для тебя достаточной мотивацией, есть одна пожилая женщина по имени Джанет. Я мог бы...

– Я тебя убью!

– Шестьдесят пять лет, живет одна. Думаю, она будет рада обществу. Ну, что ты думаешь? Мне нужно навеститься в гости к твоей матери, чтобы доказать серьезность своих намерений? О чем тут думать? Эндрю, скажи, что ты сядешь на этот самолет. Скажи так, чтобы мне сегодня ночью не пришлось навещать твою мать.

– Я сяду на этот самолет.

В телефоне раздался щелчок, и связь оборвалась.

Влажным душным утром 21 мая, когда первые крупные капли дождя упали на землю, я запер дверь своего дома на берегу озера и потащил здоровенную черную сумку к белому «Кадиллаку Девиль». Сидящий за рулем Уолтер Лансинг открыл багажник, и я забросил сумку внутрь.

– Черт побери, куда ты собрался? – весело спросил Уолтер, когда «Кадиллак» медленно покатил по дорожке.

Я позвонил ему три часа назад, объяснил, что мне нужно в аэропорт, попросил заехать за мной в половине одиннадцатого и положил трубку до того, как он успел хоть что-нибудь спросить.

– Мне нужно отъехать на какое-то время, – уклончиво сказал я.

– Куда? Ты набрал с собой много барахла.

Уолтер улыбался. Я чувствовал это по его тону, провожая взглядом свой дом, уплывающий назад в зеркале заднего вида.

– Просто отъехать, – сказал я.

– Ты нарочно напускаешь туману?

Его небритое лицо покрылось бисеринками пота, он провел пальцами сквозь короткие седые волосы. Уолтер оглянулся на меня, ожидая моего ответа. Иссиня-черные тучи пролились сплошной стеной дождя, вдалеке прогремел глухой раскат грома.

– Энди, что стряслось?

– Ничего. Я закончил книгу. Я устал. Мне нужно переменить обстановку – сам знаешь, что это такое.

Уолтер вздохнул, а я, отвернувшись к окну, уставился на мелькающие мимо деревья, слушая стук дождя по ветровому стеклу. Совсем недавно в машине ездил жена Уолтера Бет. Я чувствовал запах ее шампуня – сладковатый аромат можжевельника. У меня в ногах на коврик валялась розовая пилка для ногтей.

– Ты возвращаешься на Арубубу? – спросил Уолтер.

– Нет. – Я не хотел врать без особой нужды.

– Значит, я так понял, Синтии ты тоже ничего не сказал.

Я покачал головой.

– «Поджигатель» выходит из печати. Синтия будет в бешенстве!

– Вот почему я ей ничего не сказал. Она словно сержант из учебки. Позвони ей от моего имени, хорошо? Передай, мол, я сказал, что устал писать и мне нужно отдохнуть. Пусть не беспокоится.

– А когда Синтия спросит у меня, куда ты отправился?

– Скажешь ей, что знаешь только то, что это какой-то островок в южной части Тихого океана.

– Она решит, что я лгу.

– Это ее проблема. Она не твой агент.

– Пожалуйста, объясни мне, что происходит...

– Уолтер, не спрашивай.

Когда мы выехали на шоссе И-77 и повернули на юг, дождь лил как из ведра. Закрыв глаза, я медленно сделал вдох и выдох, пытаюсь успокоить сердце, колотящееся так, будто я

одну за другой выпил две чашки крепкого кофе. Мне хотелось вернуться назад. Турне в поддержку книги, а затем расслабленное безделье в уюте своего дома на берегу озера, пока лето будет вступать в свои права, – вот как я намеревался провести ближайшие месяцы.

– Позвони мне, – сказал Уолтер. – Или напиши. Просто дай знать, что у тебя все в порядке.

– Если у меня будет такая возможность, обязательно позвоню.

– Мне нужно разбирать твою почту и оплачивать счета?

– Да, я как раз собирался попросить тебя об этом.

– Энди, ты меня пугаешь, – сказал Уолтер.

Шелест щеток стеклоочистителя, скользящих туда и сюда, и гул двигателя стали оглушительно громкими. Я потыкал пальцем кнопки стеклоподъемника, но ничего не произошло. Уолтер забыл отключить защиту от детей.

Вдалеке на фоне пышной зелени плато Пидмонт появились очертания Шарлотта. Верхние этажи словно обезглавленных зданий терялись в сплошной пелене грозových туч. Взглянув на меня, Уолтер попытался улыбнуться.

– Не сомневаюсь, у тебя все будет в порядке.

– Если честно, я сам не знаю. Вот в чем дело.

В одиннадцать часов мы подъехали к главному входу в международный аэропорт имени Дугласа. Мы вышли из машины, я достал из багажника свою сумку и закинул ее на плечо.

– Если хочешь, я тебя провожу, – предложил Уолтер.

– Нельзя.

Я обвел взглядом людей, входящих и выходящих в автоматические двери. Похоже, никому не было до нас никакого дела, поэтому я быстро достал из кармана сумки конверт из плотной бумаги и бросил его в багажник.

– Если я не вернусь к первому сентября, вскроешь конверт.

– Сентября?

– Уолтер, послушай. Никому ничего не говори. Если к назначенному сроку я не вернусь, ты поймешь, что делать с тем, что внутри. Я написал подробные инструкции.

Уолтер захлопнул багажник.

Наши взгляды встретились. Уолтер всмотрелся в мое лицо, сбитый с толку, встревоженный. Я оглядел его с ног до головы, чтобы сохранить в памяти его образ: он стоит в темно-сером костюме, без галстука, в белой хлопчатобумажной рубашке с двумя расстегнутыми пуговицами воротника. Мой лучший друг. Уолтер. Буду ли я, оглядываясь на это мгновение, проклинать себя за то, что не принял твою помощь? О господи!

– Увидимся, – сказал я.

Похлопав Уолтера по плечу, я прошел в аэропорт.

* * *

Прильнув к круглому иллюминатору, я рассудил, что самолет летит над Великими равнинами. Даже находясь на высоте нескольких миль над землей, я видел лишь бурый океан, простирающийся от одного горизонта до другого. Я сидел в мягком кресле салона первого класса, не пристегнутый ремнем безопасности. Из-за занавески, отделяющей меня от основного салона, доносился недовольный гомон сотни несчастных, летящих

экономклассом. Я не мог припомнить, когда в последний раз летал экономклассом, и в дополнение к страху, сопровождающему меня всю дорогу в Денвер, ощутил некоторое удовлетворение от этой роскоши.

* * *

Я вошел в здание аэровокзала. Окинув взглядом длинный коридор, заполненный спешащими пассажирами, увидел пожилого мужчину в темном мундире шофера, пристально смотрящего на меня. Он держал картонную табличку с моей фамилией, выведенной большими, тонкими печатными буквами. Я подошел к нему.

– Я Эндрю Томас, – сказал я.

Козырек фуражки шофера едва доставал мне до плеча. Он оглядел меня с ног до головы широко раскрытыми встревоженными глазами.

– Добро пожаловать в Денвер. Меня зовут Хирам, – проскрежетал мужчина, и внезапно его угрюмое, осунувшееся лицо растянулось в улыбке. – На улице вас ждет лимузин. Вы еще не получили багаж?

Я последовал за ним; для своего возраста он шел очень быстро и легко. Мы быстро добрались до ленты выдачи багажа.

Пока мы ждали мою сумку, я сказал:

– Вы знаете, куда меня везти?

– Да, сэр, – ответил Хирам.

– И куда же?

Он укоризненно нахмурился.

– Мистер Томас, мне сказали, что для вас это должен быть сюрприз. Я получил хорошие деньги за то, чтобы сохранить все в тайне, так что не требуйте от меня, чтобы я испортил вам этот сюрприз.

– Вы ничего не потеряете, – заверил его я, изобразив добродушный смех. – Наоборот, я заплачу вам вдвое больше того, что вы получили.

Рассмеявшись, Хирам покачал головой.

– Меня предупредили, что вы предпримете что-нибудь в таком духе. И попросили сообщить об этом – и тогда мне заплатят вдвое больше того, что обещали вы.

– Замечательно, – сказал я. – Забудем об этом. Пусть это останется в тайне. Никому ничего не говорите.

Увидев на транспортере свою сумку, я потянулся за ней, но Хирам перехватил мою руку.

– Нет, мистер Томас, это моя работа.

– Ну что вы, всё в порядке. Сумка тяжелая.

– Мистер Томас, мне хорошо платят за мою работу. Так что дайте мне ее выполнить.

Отстранив меня, он неуклюже стащил мою сумку с ленты транспортера.

– Внутри хрупкие предметы, – предупредил я. – Я хотел бы нести ее сам.

– Нет, – отрезал Хирам, направляясь к выходу.

– Стойте! – крикнул я, привлекая внимание пассажиров, ждущих свой багаж.

Хирам остановился. Подбежав к нему, я сорвал сумку с его плеча.

– Я сам ее понесу, – сказал я.

Хирам прищурил запавшие глаза.

– Мне нужно в туалет, – сказал я. – Я мигом!

Отыскав туалет, я втиснулся в кабинку. Усевшись на унитаз, открыл сумку и сразу же увидел, что в ней рылись, ибо моя одежда была смята. Порывшись, я достал со дна черный ящик с револьвером, который задекларировал на регистрации.

Я отпер и открыл ящик, достал «Смит-и-Вессон» калибра.357 и положил его поверх одежды. Отыскав под носками коробку с патронами, вскрыл ее и вставил в барабан пять патронов с пулями с полым наконечником. Затем, засунув револьвер за пояс и опустив сверху просторную зеленую футболку, убрал пустой ящик и коробку с патронами в сумку, застегнул ее и вышел из кабинки.

У писсуаров стояли трое, и я поспешил пройти мимо них. Если меня поймают, это тюрьма, думал я, пробираясь сквозь скопление людей назад к Хираму. Тяжелый револьвер, казалось, грозил вывалиться из брюк на пол.

Мы вышли из аэропорта, и Хирам провел меня к черному лимузину. Я отдал ему сумку, он уложил ее в багажник и открыл передо мной дверь. Я забрался внутрь, смутно ожидая найти там кого-нибудь. Но внутри никого не было – только безукоризненный серый салон лимузина.

После того как Хирам сел за руль и завел двигатель, он обернулся и сказал:

– Если вас это интересует, здесь есть мини-бар и телевизор. Если вам что-либо понадобится, мистер Томас, просто дайте мне знать.

Выехав со стоянки, Хирам направился прочь от аэропорта. Выглянув в сильно тонированное стекло, я увидел вдалеке на западе, за сверкающей лентой асфальта, бурую массу гор. Мне захотелось затеряться в них, спасаясь от той преисподней, которая меня ждала.

Час спустя я проводил взглядом черный лимузин Хирама, выехавший на автостраду, и направился назад в Денвер. Подхватив свою сумку, прошел в тень осины, растущей у конторы мотеля номер шесть. На палящем солнце казалось невозможным то, что на вершинах гор сверкает снег. В тридцати милях к западу за автострадой прямо из равнины, без предисловия каких-либо предгорий, выростала первая гряда Скалистых гор, и хотя прямо над головой небо было ясно-голубым, над самыми высокими пиками громоздились грозные тучи. В горах сверкали молнии, однако сюда раскаты грома не доносились.

Усевшись на траву в прохладной тени, я вскрыл конверт, который оставил мне Хирам. Прочитал записку, напечатанную тем же жирным шрифтом, что и предыдущая, и к горлу подступил клубок.

Ты должен читать это около двух часов дня в мотеле номер шесть на шоссе И-25 к северу от Денвера. Сними номер под именем Рэнди Снейдера и расплатись наличными. Будь готов завтра утром в 6.00 тронуться в путь.

Номер 112 оказался на первом этаже. Нервы мои были натянуты до предела, поэтому я заглянул в шкаф, в душ, даже под кровать – всюду, где мог прятаться человек. Убедившись в том, что я один, опустил шторы и запер дверь. После чего лег на кровать с револьвером и книгой и читал до самого вечера.

* * *

Где-то после девяти часов небо из темно-синего стало черным. Не в силах держать глаза открытыми, я заметил, как буквы на странице начали расплываться. Усталость брала свое, хотя я и гнал всеми силами сон прочь. Со стороны национального парка Роки-Маунтин волнами накатывались грозы, и каждые несколько секунд громыхал гром и сквозь шторы пробивалась вспышка молнии.

Поймав себя на том, что умираю от голода, я выскочил на улицу и купил в автомате пачку крекеров и две банки газированной воды. Когда я уже подходил к двери своего номера, небеса разверзлись проливным дождем и порыв ветра швырнул пыль мне в лицо. Открыв дверь, я остановился на пороге и оглянулся на стоянку. Там было только три машины, периодически видимые всего на одно мгновение, когда очередная молния разрывала небо желтовато-голубым взрывом электричества.

Закрыв дверь, я запер замок. Внизу экрана телевизора тревожной красной строкой бежало штормовое предупреждение. За несколько минут я справился с крекерами и выпил газировку, и после того как мой желудок был удовлетворен, усталость окончательно сломила меня. Погасив свет, я снял кроссовки и забрался в постель. Ничто не могло помешать моим векам сомкнуться – даже сознание того, что мой враг идет сюда.

Под одеялом я чувствовал себя скованным, поэтому улегся поверх него и положил револьвер на прикроватный столик. Я дал себе слово, что просплю один час. Всего один час, не больше.

Небо содрогнулось от оглушительного раската грома – такого громкого, словно гроза бушевала прямо в моем номере. Открыв глаза, я увидел, что входная дверь качается взад и вперед, а над горами сверкают молнии. Я бросил взгляд на будильник: 3.15.

Сообразив, что дверь открыта, я потянулся к столику за револьвером, но моя ладонь нащупала лишь гладкую деревянную поверхность. Резкая боль пронзила мне левую руку, и я порывисто уселся в кровати. Опустив взгляд на пол, я вскрикнул. Там на четвереньках стояла какая-то черная тень.

Рот мой словно заполнился ватой, и я мог думать только о том, как бежать отсюда, прежде чем тень нанесет новый удар. Я попытался спрыгнуть с кровати с другой стороны и броситься к двери, однако ничего не получилось. Казалось, к рукам и ногам мне привязали тяжеленные камни. Даже пальцы отказывались повиноваться, и я упал назад, проваливаясь головой в мягкую подушку. Мои глаза начали закрываться, но я успел увидеть, как черная фигура поднялась и приблизилась к кровати. Она заговорила, обращаясь ко мне, однако слова расплылись.

Вспышка молнии, непроницаемый мрак...

* * *

Боль и темнота. Мягкая пульсация рессор на ровном асфальте. Приглушенные звуки джаза...

* * *

Открыв глаза, я увидел сплошную темноту. Руки были скованы наручниками за спиной, ноги связаны толстой веревкой, внутренности горели невыносимой жаждой. Сквозь пересохшие, растрескавшиеся губы я издал слабый крик. Появился полумесяц, огромный и желтый. Ко мне склонилась неясная человеческая тень, и я ощутил укол. Я застонал, и тень сказала: «Теперь уже совсем недолго». Снова наступила темнота...

* * *

Яркий солнечный свет проник сквозь мои веки. Лежа на спине, обливаясь потом, я ощутил под собой мягкий матрас и подушку, поддерживающую голову. Руки и ноги мои больше не были связаны, поэтому я натянул на лицо одеяло, спасаясь от солнца.

Будь готов завтра утром в 6.00 тронуться в путь.

Усевшись в кровати, я поискал взглядом будильник. Я находился не в мотеле номер шесть.

В этой маленькой квадратной комнате моя кровать стояла вплотную к дальней стене. Сквозь единственное окно на уровне кровати в комнату проливался ослепительный солнечный свет. Окно перегораживали черные стальные прутья, и я догадался, что они предназначены для меня. Стены были сложены из грубых необработанных бревен, имеющих фут в поперечнике, а пол был каменный. Помимо кровати, вся обстановка состояла из

прикроватного столика, одного стула и шаткого письменного стола, придвинутого к противоположной стене рядом с закрытой дверью. Придвинувшись к окну, я выглянул сквозь решетку.

Передо мной простиралась обширная полупустыня, совершенно плоская, покрытая скудной однообразной растительностью. Ни высоковольтных линий, ни мощеных дорог – вообще никаких следов цивилизации за пределами этой крошечной комнаты. Я почувствовал себя полностью одиноким. На бирюзовом небе не было ни облачка, и хотя воздух в комнате обладал приятной прохладой, по ослепительным лучам палящего солнца я заключил, что на улице настоящее пекло.

Отвернувшись от окна, я заметил на столе в противоположном углу листок бумаги. Спустив ноги на каменный пол, холодный, несмотря на жару, пересек комнату и взял листок.

Прежде чем мы встретимся, хочу указать на бесплодность любых попыток бежать, обмануть или уничтожить меня. Если откроешь средний ящик стола, ты найдешь конверт. Не поленись заглянуть внутрь.

Открыв конверт, я ахнул: фотографии меня, разрывающего могилу Риты Джонс, грубый план моего поместья на берегу озера с указанием местонахождения четырех трупов, три страницы отпечатанного текста с описанием подробностей убийств и разъяснением, в каком шкафу в моем доме можно найти разделочный нож. Также в конверте лежала газетная вырезка с отчетом о судебном процессе над человеком, чье имя (а также вся остальная информация, имеющая отношение к делу) было старательно замазано. Под заголовком мой враг написал от руки: «ЗА МОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ НАКАЗАНИЕ НЕСЕТ НЕВИНОВНЫЙ». Я вернулся к письму.

Молитвы за мое здоровье и безопасность возымели свое дело, поскольку есть еще один конверт с планом, на котором указано местонахождение трупов, и пояснением, где находится нож. Через два месяца этот конверт будет доставлен в управление полиции Шарлотта. Если я этому не помешаю, ты, Эндрю Томас, отправишься за решетку. Людей осуждали на основании гораздо менее убедительных улик, чем есть у меня против тебя, и я уже отправил двух человек на смерть за свои преступления. (Тебе понравилась газетная вырезка?)

И последнее. Знай, что жизнь твоей матери зависит от твоего поведения здесь. Ну, а теперь у тебя за плечами долгое путешествие. Отдыхай сколько тебе будет угодно, а когда будешь готов узнать, зачем я привез тебя сюда, постучи в дверь.

Вернувшись на кровать, я прижался к зарешеченному окну и снова уставился на унылую, безжизненную пустыню. Мои глаза наполнились слезами. Если не считать гонимого ветром перекасти-поля, разбрасывающего свои семена, все было неподвижно. Пустошь, мертвая земля, которая в другое время, возможно, показалась бы по-строгому красивой. Однако сейчас я находился в таком состоянии, что пейзаж за окном только усилил мрачное предчувствие. Вытерев глаза, я с гулко колотящимся сердцем подошел к двери.

В середине прочной деревянной двери была прорезана щель высотой шесть дюймов и шириной фут. Опустившись на корточки, я надавил на лист железа, закрывающий щель, но тот даже не шелохнулся. Поднявшись на ноги, я глубоко вздохнул. Я бесконечно устал, остро чувствовал голод. Не было никакой возможности определить, как долго я пролежал здесь без сознания. Мои руки, покрытые следами от уколов, болели.

Я робко постучал в дверь и вернулся на кровать. Послышались приближающиеся шаги, мягко ступающие на камень. Железный лист скользнул вверх, и я успел мельком увидеть соседнее помещение: книжные шкафы, картотека, белый керосиновый обогреватель, обеденный стол...

На место листа спустилась упаковочная пленка. За щелью стоял человек, но я смог разглядеть сквозь мутный пузырчатый полиэтилен лишь нечеткий силуэт.

– Подойди ближе, – сказал неизвестный.

Я медленно двинулся к двери. Когда я был в нескольких шагах от нее, он сказал:

– Стой! Повернись!

Я развернулся и стал ждать. Зашуршала полиэтиленовая упаковка, и я предположил, что неизвестный убрал ее и теперь изучает мое состояние. Через какое-то время он сказал:

– Подойди к двери.

Щель была проделана на уровне пояса, и я, приблизившись к двери, опустил на корточки и попытался в нее заглянуть, но неизвестный остановил меня.

– Нет, нет, не смотри на меня. Сядь спиной к двери.

Я повиновался. Хотя мне было жутко страшно находиться в непосредственной близости от своего врага, я заверил себя в том, что он притащил меня в эту пустыню не для того, чтобы убить сразу же, как только я приду в себя.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил неизвестный, и в его голосе я уловил искреннее беспокойство.

Не осталось ничего от того человека, который разговаривал со мной по телефону. В голосе звучали жужжащие нотки, как будто неизвестный использовал какое-то речепреобразующее устройство. Хотя голос казался мне знакомым, я никак не мог определить, кому он принадлежит; к тому же я не доверял своим органам чувств после того, как провел неизвестно сколько часов без сознания, в трясине наркотиков.

– Меня шатает, – как можно сдержаннее произнес я. У меня не было никакого желания выводить неизвестного из себя.

– Это пройдет.

– Ты написал эти письма? Ты убил учительницу?

– И да, и нет.

– Где я?

– Достаточно будет сказать, что ты посреди пустыни, и если вздумаешь бежать, умрешь от жажды и теплового удара задолго до того, как достигнешь границ цивилизации.

– Как долго я...

– Закончим с вопросами относительно твоего так называемого заключения. Я не скажу тебе, где ты находишься и сколько времени здесь пробудешь.

– А что ты мне скажешь?

– Ты здесь, чтобы получить образование. – Незвестный помолчал. – Скоро ты все поймешь. Суть твоего обучения станет ясна в самое ближайшее время. Так что прояви терпение.

– Пожалуйста, могу я получить свои вещи?

Неизвестный вздохнул – первый признак раздражения, зреющего у него в груди.

– Мы обсудим это позже. – Но тотчас же его голос смягчился, потерял резкость. – Эндрю, притворись, что ты маленький ребенок. Крошечный, беспомощный ребенок. И прямо сейчас, в своей комнате, ты находишься в материнском чреве. Ты не знаешь, как пользоваться органами чувств, как думать, как рассуждать. Положись во всем на меня. Я научу тебя заново, как воспринимать окружающий мир. Первым делом я накормлю твое сознание. Обогащу его плодами самых блистательных мыслителей в истории человечества.

Белая рука просунулась в щель, отодвинув упаковочную пленку, и бросила на пол книгу.

Подняв книгу, я увидел, что это «Государь» в твердом переплете.

– Вот твоя первая трапеза, – продолжал неизвестный. – Макиавелли. Это настоящий гений. Бесспорно. Ты знаешь, кто такой Ганнибал, карфагенский полководец, разоривший Рим? Он провел свое войско через Альпы вместе с боевыми слонами.

– Я знаю, кто такой Ганнибал.

– Так вот, Ганнибал набирал свое войско по всему побережью Средиземного моря и в Восточной Европе, но что самое примечательное, между воинами не было распрей. Разные народы, разные вероисповедания, разные языки, но никаких распрей. И знаешь, что обеспечило этот мир? – спросил неизвестный. – По словам Макиавелли, «это можно объяснить только его нечеловеческой жестокостью, которая, вкуче с доблестью и талантами, внушала войску благоговение и ужас; не будь в нем жестокости, другие его качества не возымели бы такого действия». – Он умолк, и какое-то время я слышал только шум сухого, обжигающего ветра за окном и возбужденное дыхание своего тюремщика. – «Бесчеловечная жестокость», – повторил он. – Меня дрожь пробирает. – Его голос наполнился страстью, словно он обращался к своей возлюбленной: – Итак, сегодня же принимайся за чтение, и завтра мы обсудим книгу. Ты хочешь есть?

– Да, я умираю от голода.

– Хорошо. Я сейчас приготовлю ужин, а ты приступай к чтению. Надеюсь, жареные креветки с вермишелью тебе понравятся.

Убрав упаковочную пленку, неизвестный опустил на место железный лист, закрывая щель. Убедившись в том, что он ушел, я облегченно уронил голову и неподвижно застыл, одетый в белый махровый халат, уставившись невидящим взглядом в пол.

* * *

Маленькая лампа, прикрученная к стене, испускала тусклый свет, едва достаточный для того, чтобы различать буквы. Поскольку мою сумку тюремщик мне еще не вернул, очков у меня не было, и мне приходилось напрягать зрение.

Прочитав половину книги, я уронил ее на пол. Мне хотелось надеяться, что для неизвестного этого окажется достаточно. Когда я, протянув руку, погасил лампу, сквозь прутья решетки в комнату проник умиротворенный свет полной луны, мягкий и ровный. Мне было бы страшно провести здесь первую ночь в полной темноте новолуния.

Духота, накопившаяся в маленькой комнате за целый день палящего солнца, сделала воздух невыносимым, и хотя с наступлением ночи пустыня растеряла жар, в замкнутом помещении он оставался. Поэтому после захода солнца я открыл окно, и теперь в комнату проникала сухая прохлада ночной пустыни, заставляя меня укутаться тонким шерстяным одеялом.

Закрыв глаза, я прислушался. В открытое окно доносились крики сов и голоса койотов, твояющих на луну, но они звучали где-то вдалеке. Со времени ужина я не слышал ни звука со стороны своего тюремщика. Ни шагов, ни дыхания – ничего.

На протяжении последнего часа дом наполняли звуки джаза. Сначала тихие, вкрадчивые, словно шепот, и я улавливал лишь утробный гул басов. Постепенно громкость нарастала, и вскоре в комнате уже пульсировал звон тарелок и шелестящие хлопки закрывающихся тарелок чарльстона, отмечающие слабые доли. Когда сквозь стену проникло крещендо пианино, трубы и саксофона, я внезапно узнал мелодию, которая вернула меня на двадцать лет назад, в другое время, в другую жизнь. Это были Майлз Дэвис, Джон Колтрейн, Джулиан Эддерли по прозвищу Пушечное Ядро, Пол Чемберс, Билл Эванс и Джимми Кобб, исполняющие All Blues, меланхоличный блюз в размерности 6/8 с альбома Kind of Blue 1958 года.

Вдруг музыку разорвал пронзительный крик. Усевшись в кровати, я вслушался. Еще один крик прозвучал в ночной темноте. Схватившись за железные прутья, я устремил взор в пустыню, но не увидел ничего, кроме простирающейся на многие мили полыни. И снова крик – женский, ближе, чем прежде.

В пятидесяти футах впереди по пустыне брела, шатаясь, фигура, судорожно лоя ртом воздух. Когда она оказалась напротив окна, слева показалась вторая фигура, массивная. Набросившись на маленькую фигуру, она повалила ее на землю под куст колючего саркобатуса.

Я слышал женский голос, плачущий, кричащий, умоляющий, но разобрать слова не смог. Массивная фигура нанесла удар ногой, затем опустилась на корточки, молотя руками.

Новые крики, еще громче, еще пронзительнее. Затем тишина.

Выпрямившись во весь рост, массивная фигура уставилась на землю. Потом размеренным шагом удалилась в том направлении, откуда пришла, волоча за собой за длинные черные волосы то, за чем гналась по пустыне. Я слышал шаги и шорох тела по земле. Ноги женщины все еще слабо подергивались.

Внезапно массивная фигура остановилась и повернулась ко мне. Лунный свет, голубоватый и сюрреалистичный, упал на лицо незнакомца.

Я застыл. В пустыне стоял мой брат Орсон, и он улыбался.

Над пустыней натужно расползся багровый рассвет, положив конец ужасной бессонной ночи. Я осознал, что отныне всякий раз, закрыв глаза, неизменно буду видеть мужчину в залитой лунным светом пустыне, волочащего по земле за волосы женщину.

Услышав приближающиеся шаги, я уселся в кровати. Лязгнул засов, и дверь распахнулась настежь, открывая мужчину, телосложением как у меня: худой, мускулистый, с такими же небесно-голубыми глазами. Похожий, но не в точности такой же; лицо у него было недостижимым идеалом для моего лица, более привлекательным в своих совершенных пропорциях. Он стоял в дверях, улыбаясь, и в противовес моим спутанным седеющим волосам его коротко подстриженные волосы полностью сохранили свой темный оттенок. В дополнение к сапогам из оленьей кожи и выцветшим голубым джинсам на нем была окровавленная белая футболка с пятнами пота под мышками. У меня смутно мелькнула мысль, где он успел так сильно вспотеть еще до того, как взошло солнце. Руки у него были сильнее моих; прислонившись к косяку, он агрессивно впился зубами в бордово-красное яблоко.

Я не мог вымолвить ни слова. Казалось, я видел перед собой не призрак любимого человека, а демона. Слезы обожгли мне глаза. Этого не может быть на самом деле. Этот жуткий человек не мой брат.

– Я так по тебе соскучился, – сказал Орсон, стоя в дверях.

Я лишь молча смотрел в его голубые глаза.

Орсон исчез из Аппалачского государственного университета, когда мы учились на первом курсе. Последний сохранившийся у меня в памяти образ – он стоит в дверях нашей комнаты в общежитии.

– Какое-то время ты меня не увидишь, – сказал Орсон тогда.

Так оно и было, с того самого дня и до этого момента. Полиция вынуждена была прекратить поиски. Орсон просто исчез. Мы с матерью наняли частных сыщиков: ничего. Мы опасались, его нет в живых.

И вот теперь Орсон «принес извинения».

– Я не собирался показывать тебе то, что ты видел прошлой ночью. Вероятно, это из-за того, что я воспользовался старой веревкой.

Я обратил внимание на свежие царапины у него на шее и лице. На щеках искрились блестки, и у меня мелькнула мысль, не с ногтей ли они той женщины.

– Хочешь позавтракать? – предложил Орсон. – Кофе на плите.

Меня передернуло от отвращения.

– Ты шутишь?

– Я хотел несколько дней присматривать за тобой, прежде чем открыться, но после вчерашней ночи... ну, на самом деле в этом больше нет смысла, ведь так?

У меня по спине струился пот.

Снова откусив кусок яблока, Орсон направился в короткий коридор.

– Идем со мной, – сказал он.

Спустившись с кровати, я последовал за ним, через весь дом. Ноги подо мной дрожали, словно готовые в любой момент расплыться лужицей на полу.

– Садись, – предложил Орсон, указывая на черный кожаный диван, придвинутый к

левой стене.

Войдя в гостиную, я оглянулся. В конце узкого коридора две комнаты, бок о бок, составляли основу дома: моя – слева; справа – дверь без засова и железного щита, закрывающего щель посередине. В простенке между дверями висело небольшое полотно кисти Моне, изображающее лодку, скользящую под каменным мостом.

Стены гостиной от пола до потолка были заставлены книгами. Книги стояли на грубых полках, торчащих из бревен, и я был поражен разнообразием их названий. На одной из полок я увидел пестрые обложки пяти своих книг.

Брат прошел в противоположный конец комнаты, где была устроена крошечная кухня. На табуретке у входной двери стоял проигрыватель грампластинок, рядом высилась стопка дисков высотой фута в три. Оглянувшись на меня, Орсон улыбнулся и поставил иглу на пластинку. Из двух здоровенных колонок грянул Фредди Фрилодер, и я развалился на диване.

Под звуки музыки Орсон не спеша уселся на краешке дивана. Мне было не по себе от его взгляда, устремленного на меня. Я отчаянно тосковал по своим очкам.

– Как ты думаешь, теперь я могу получить свои вещи?

– О, ты имеешь в виду вот это? – Брат небрежно достал из кармана джинсов мой револьвер. – Я ведь сказал тебе захватить с собой «Смит-и-Вессон», разве не так?

Его голос наполнился холодным сарказмом, сузившиеся в точку глаза жгли меня насквозь.

– Извини, – с пересохшим языком произнес я, неуютно ерзая на диване. – Разве ты сам поступил бы не так же? Я хочу сказать, я ведь понятия не имел...

– Напрасно ты пытаешься поставить меня на свое место.

Подойдя к проигрывателю, Орсон снял иглу с пластинки. В полной тишине, воцарившейся в доме, он вышел на середину гостиной.

– Энди, ты все испортил. Я велел тебе захватить одежду и туалетные принадлежности, а ты притащил револьвер и коробку патронов. – Брат говорил рассеянным тоном, словно мы сидели на крыльце, наслаждаясь сигарами. – Нарушив мои инструкции, ты навредил нам обоим, и единственное, что приходит мне в голову, это наглядно продемонстрировать тебе, что слушание не в твоих интересах. – Откинув барабан револьвера, Орсон показал мне пять пустых гнезд. – Ты оплошал один раз, поэтому мы зарядим один патрон.

Достав из кармана патрон, он вставил его в барабан.

Мне стало плохо от страха.

– Орсон, не надо!

– Энди, Энди, Энди! Никогда не учи человека с заряженным оружием, как он должен себя вести. – Крутанув барабан, Орсон взвел курок. – Позволь тебе объяснить, что это причиняет боль и мне, поскольку я не хочу, чтобы ты вообразил, будто я делаю все это ради забавы. Мне пришлось приложить много усилий, чтобы привезти тебя сюда, и если удача от тебя отвернется – а с вероятностью двадцать процентов патрон окажется напротив ствола и ты отправишься к праотцам, – все мои труды окажутся напрасными. Но я готов рискнуть, чтобы преподать тебе урок того, как важно следовать моим инструкциям.

Когда он направил револьвер мне в грудь, я непроизвольно поднял руки. Орсон нажал на спусковой крючок – щелчок, – после чего откусил кусок яблока. Я с трудом мог дышать. Я закрыл лицо руками, а брат снова поставил пластинку. Музыка зазвучала опять, Орсон вернулся на диван, отбивая ритм и с теплотой глядя на меня. Достав патрон из барабана, он положил револьвер на пол и плюхнулся рядом со мной. Я ощутил во рту кислый привкус

тошноты. Мне показалось, меня вот-вот вырвет.

Твою мать, Орсон спятил! Меня ждет неминуемая смерть. Я в пустыне, один-одинешенек вместе с психопатом, своим родным братом. Своим долбаным братом.

– Энди, теперь ты можешь гулять по всему дому, а также выходить на улицу. Правда, сарай для тебя закрыт, и я каждую ночь буду запираю тебя в комнате, после того как ты ляжешь спать. Теперь тебе больше не надо справлять нужду в ведро. Душ у колодца за домом. Вода холодная, но ты привыкнешь. Электричество поступает от нового генератора, но я был слишком занят и не успел провести водопровод.

– Можно я прямо сейчас схожу в душ? – спросил я, с трудом совладав с голосом.

– Конечно. Но только всегда давай мне знать, когда выходишь из дома. У меня нет ни малейшего желания тебя искать.

Не в силах унять дрожь, я вышел из комнаты и открыл дверь навстречу солнечному свету, расцветающему над ржаво-бурой пустыней. Поежившись, я плотнее укутался в белый махровый халат, который носил в течение последних двух дней. Когда я обернулся, чтобы закрыть дверь, на пороге стоял Орсон.

– Мне тебя не хватало, – сказал он.

Я посмотрел на него, и на какое-то мгновение он стал беззащитным, словно тот брат, которого я любил, когда мы оба были маленькими. Его взгляд умолял о чем-то, однако я находился не в том состоянии, чтобы угадывать желания.

– Кто она? – спросил я.

Орсон прекрасно понял, кого я имею в виду, но ничего не сказал. Мы просто смотрели друг на друга – разжигая родственную связь, крепко спавшую много лет и почти умершую. И все-таки горячий материал в нас еще оставался.

Я не собирался ждать, когда Орсон закроет дверь. Развернувшись, я шагнул в утреннюю прохладу.

– Энди! – окликнул меня Орсон.

Я остановился, но не обернулся.

– Просто официантка.

Я стоял на шатком крыльце, в тени крытого железом навеса, опирающегося на сгнившие деревянные столбы. Со стороны пустыни дул сильный ветер, несущий сладковатый пряный аромат полыни, выжженной на солнце земли и не знакомых мне деревьев.

Четыре расшатанных кресла-качалки, по два с каждой стороны двери, едва заметно покачивались, но я сидел на ступенях, засунув босые ноги в пыль, все еще прохладную в тени, вдали от палящего солнца. Мой взгляд блуждал вдоль северного горизонта: скопление холмов, переходящих в высокие горы. Они находились по меньшей мере в тридцати милях, и на их склонах нельзя было различить никаких деталей. Только сплошная зелень внизу, говорящая о вечнозеленых лесах, далее крутые серые скалы и, наконец, похожие на облака ледники, никогда не тающие.

В шестидесяти ярдах слева от крыльца стоял большой сарай. Он выглядел новым, построенным наспех; железная крыша и свежие желтые сосновые доски сияли в лучах низкого солнца. Засов, запирающий двустворчатые ворота, был обмотан похожей на змею цепью. Следы колес уходили прямо в сарай.

Примерно в миле дальше пустыня поднималась на несколько сот футов, образуя уходящий на юг хребет из ржаво-красных скал. На гребне росли чахлые кусты можжевельника, зазубренными силуэтами чернея на фоне неба.

С самого утра я пытался читать у себя в комнате Макиавелли. Мне было жарко и душно, и я не мог сосредоточить внимание ни на чем, кроме мысли о том, как бежать отсюда. Затем я вышел на улицу, чтобы найти облегчение в глотке свежего воздуха. Но даже на ветру пот обжигал мне глаза, увлажняя кожу и волосы. Изнутри доносился джаз – зловещие звуки в этой безжизненной пустыне. Богатая музыка вызывала в памяти заполненные толпами клубы Нью-Йорка, людей, втиснутых в тесное пространство. Обыкновенно я терпеть не могу толпу и физическую близость других людей, однако сейчас клаустрофобия замкнутого пространства ночного клуба, сотрясаемого музыкой, показалась бы мне желанной.

Я просидел на открытом крыльце почти целый час, наблюдая за тем, как под лучами солнца пустыня становится багровой. Сознание мое полностью очистилось, и я настолько погрузился в бесконечность отсутствия мыслей, что вздрогнул от неожиданности, когда у меня за спиной со скрипом открылась входная дверь. Сапоги Орсона гулко застучали по деревянным половицам.

– Ты скоро проголодаешься?

При звуках его хриплого голоса у меня внутри все перевернулось. Я не мог принять то, что мы снова вместе. Присутствие брата по-прежнему вселяло в меня ужас.

– Да.

– Я собирался пожарить два бифштекса, – сказал Орсон, и я почувствовал, что он улыбается, рассчитывая, что это произведет на меня впечатление.

У меня мелькнула мысль, не пытается ли он возместить мне то, что едва не убил меня. В детстве после ссоры брат всегда стремился задобрить меня подарками, лестью или, как в данном случае, угощением.

– Хочешь что-нибудь выпить?

Господи, конечно хочу!

Обернувшись, я посмотрел Орсону в лицо.

– Если у тебя есть «Джек Дэниелс», я буду рад.

Сходив в дом, брат вернулся с неоткупоренной бутылкой этого замечательного теннессийского виски. Для меня это явилось величайшей радостью, подобно маленькому кусочку дома, и я почувствовал, как у меня забилося сердце. Открутив черную пробку, я отпил большой глоток, закрыв глаза и наслаждаясь жидким огнем, обжигающим горло. В это мгновение, принимая порцию виски в пустой желудок, я словно оказался за письменным столом у себя в кабинете, коротая вдвоем с бутылкой восхитительный каролинский вечер.

Я предложил бутылку Орсону, но тот отказался. Завернув за угол дома, он вернулся с мангалом, разжег угли, потом сходил в дом и принес блюдо с двумя толстыми кусками мяса, посоленными и поперченными. Проходя мимо меня, протянул блюдо и сказал:

– Плесни на мясо виски.

Я обильно полил мясо, и Орсон бросил куски на решетку. Вспыхнуло пламя, погасшее через пару секунд. Орсон подошел ко мне и сел рядом. Виски ударил мне в голову. Мы сидели словно два старинных друга, слушая, как шипит на углях мясо, наблюдая за багровоющим закатом.

Когда мясо поджарилось, мы взяли тарелки и прошли на крыльцо, где в углу стоял хлипкий столик. Орсон зажег серебряной зажигалкой две свечи, и мы молча принялись за ужин. Сидя напротив брата, я не мог избавиться от мысли: «Ты не можешь быть тем чудовищем, которое я видел в пустыне вчера ночью. Вот почему я сейчас сижу здесь, не испытывая страха. Каким-то образом я знаю, что это не можешь быть ты. Ты просто Орсон. Мой родной брат. Мой голубоглазый близнец. Я помню тебя маленьким мальчиком, милым, невинным мальчиком. Ты – не эта тварь из пустыни. Не этот демон».

Когда последние лучи солнца скрылись за пламенеющим горизонтом, меня охватило зловещее предчувствие. Дневной свет придавал мне ощущение уверенности, но теперь, в темноте, я снова почувствовал себя беззащитным. По этой причине после первого глотка я больше не прикасался к виски, боясь, что опьянение может быть очень опасным. Тишина за столом также действовала мне на нервы. Мы сидели в полном молчании вот уже двадцать минут, но я не собирался говорить. Что я могу сказать брату?

Какое-то время Орсон сидел, уставившись в свою тарелку, но затем он поднял взгляд на меня и откашлялся.

– Энди, ты помнишь мистера Хэмби?

Я не смог удержаться. Впервые за последние несколько дней мои губы тронула улыбка.

– Хочешь, я расскажу все так, как ты еще никогда не слышал? – спросил Орсон.

Я кивнул, и он подался вперед, выразительно раскрыв глаза, прирожденный рассказчик.

– Когда мы были маленькими, несколько раз в год ездили в деревню к бабушке. Дедушки не было в живых, и бабушка радовалась нашему обществу. Сколько нам было, когда это произошло? Лет девять, наверное? Будем считать, что девять...

Я почувствовал себя Орсоном; я знал, я надеялся на то, что долго это не продлится, однако, видит бог, в этот момент я чувствовал себя своим братом.

– А рядом с бабушкиным домом был яблоневый сад. Сад Джо Хэмби. Он был вдовец и жил один. Дело было в начале осени, к Хэмби в сад приходили школьники и прихожане из церкви, чтобы собирать яблоки и тыквы, покупать сидр и кататься в телеге с сеном.

Так вот, поскольку сад примыкал вплотную к имению бабушки, мы не могли устоять перед соблазном туда забраться. Мы воровали яблоки, лазали по тракторам, играли в стогах сена, сложенных в овинах. Но Хэмби вел себя как настоящий мерзавец по отношению к

незванным гостям, поэтому нам приходилось совершать вылазки ночью. Мы дожидались, когда бабушка ляжет спать, после чего бесшумно выбирались из дома.

Итак, в ту октябрьскую ночь мы около девяти часов вечера покинули дом и перелезли через забор в сад Хэмби. Помню, светила полная луна, холода еще не наступили, но цикады и древесные лягушки уже спрятались, поэтому было очень тихо. Сбор урожая был в самом разгаре. Часть яблок уже сгнила, но остальные оказались превосходными. Мы гуляли по саду, вкушая сочные спелые плоды, согретые солнцем. Все было просто замечательно.

Хэмби принадлежала пара сотен акров, и в самом дальнем конце находилась грядка с тыквами. Мы о ней слышали, однако добраться до нее у нас не хватало духа. Так вот, стояла такая ночь, что мы чувствовали себя неуязвимыми. И вот мы доходим до конца сада и видим в лунном свете огромные оранжевые тыквы. Как ты помнишь, на ярмарке штата Хэмби получил за свои тыквы голубую ленту. Он умел выращивать эти чудовищные причуды природы весом сто фунтов.

Мы видим в конце дорожки его дом, все окна в нем темные, и мы бежим наперегонки к грядке. Наши взоры прикованы к стофунтовым гигантам. Наконец мы со смехом падаем посреди грядки, запыхавшиеся...

Орсон улыбнулся. Я тоже. Мы знали, что будет дальше.

– И вдруг всего в нескольких ярдах мы слышим громкий стон: «Как я ЛЮБЛЮ эту оранжевую киску!»

Фыркнув, я почувствовал, как виски обжег мне пазухи носа.

– Перепуганные до смерти, – продолжал Орсон, – мы оборачиваемся и видим мистера Хэмби, распластавшегося на громадной тыкве размером с черепаху с Галапагосских островов. Он спустил комбинезон до колен и – о боже! – в лунном свете обжимает эту штукловину. Болтает без умолку, шлепает ее, словно это голая задница, и то и дело прикладывается к кувшину с персиковым самогоном.

Конечно, мы приходим в ужас. Мы не понимаем, что он мертвецки пьян. Мы боимся, что, если попытаемся бежать домой, он нас заметит и погонится за нами, поэтому мы лежим на земле и ждем, когда он закончит и вернется в дом. Ну, через какое-то время Хэмби кончает... с тыквой, натягивает штаны и отправляется искать другую. Следующая размером меньше, Хэмби дырявит в ней отверстие буравом, опускается на колени и принимается за нее. У нас на глазах он отымел подряд пять тыкв, после чего упал и отрубился. И мы бежим через весь сад домой к бабушке. Нам тошно от яблок и от...

Я вижу эту ясную осеннюю ночь так же явственно, как сейчас вижу нас, сидящих здесь: мы перемахиваем через деревянный забор, оба в одинаковых комбинезонах и водолазках. Тогда мы еще хотели быть похожими друг на друга. Мы уверяли всех, что нас не различить, и это действительно было так... Интересно, теплится ли еще жизнь в этой связующей ниточке?

Когда Орсон закончил, у меня в глазах стояли слезы. Наш дружный смех тронул меня, и я позволил себе открыто взглянуть брату в лицо, пытаюсь понять, что прячется у него за глазами. Однако вид царапин от ногтей у Орсона на щеке оживили в моей памяти жуткие крики той женщины, и я потерял мимолетное чувство уюта и ту легкость, с которой последние полчаса находился в обществе брата. Уловив перемену, Орсон перевел взгляд на черную пустыню вокруг.

Порыв ветра загасил свечи, оставив нас в темноте. К этому моменту на западном горизонте оставалась последняя багровая полоска, но и она погасла в тот самый момент,

когда я ее увидел. Небо заполнилось звездами – их было в миллион раз больше, чем в небе загрязненного Восточного побережья. Над озером Норман даже в самые ясные ночи звезды кажутся смазанными, словно скрытыми за прозрачным шифоном. Здесь же они сияли над пустыней подобно крошечным лунам, а многие падали, расчерчивая небо.

– Мне холодно, – сказал я, потирая плечи, покрывшиеся мурашками.

Я почти не мог разглядеть Орсона – за столом виднелся лишь смутный силуэт.

Брат встал.

– Если тебе нужен душ, поторопись. Через пятнадцать минут я запру тебя в твоей комнате.

– Почему?

Орсон ничего не ответил. Собрав тарелки и стаканы, он ушел в дом. После его ухода я еще какое-то время сидел на крыльце, выискивая в небе метеоры. Наконец, протерев глаза, поднялся на ноги. Я испытаю облегчение у себя в комнате, один, не имея никаких других дел, кроме как читать и спать. Звон посуды в мойке заставил меня вздрогнуть. Я побежал босиком по теплой земле в душ.

Дни в пустыне потекли лениво. Солнце не теряло времени, разжигая на земле пожар, поэтому после десяти часов утра выходить на улицу становилось опасно. Жара была сухая и удушливая, и я оставался в прохладной тени своей комнаты или, если не был заперт, находил себе место где-нибудь еще в доме.

Недостатка еды не было. На самом деле я никогда в жизни не питался так хорошо. Морозилка была набита отборными кусками мяса, и каждый день Орсон готовил три роскошные трапезы. Мы угощались говядиной, лососем, телятиной, один раз даже омарами, а за ужином выпивали по несколько бутылок вина. Однажды я спросил брата, почему он ужинает по-царски, и он ответил: «Потому что я имею на это право, Энди. Мы оба имеем на это право».

Когда я заканчивал читать одну книгу, у Орсона уже была готова для меня следующая. После Макиавелли был Сенека, затем – Демокрит о борьбе с меланхолией. Хотя я каждый день прочитывал по целой книге, Орсон постоянно давил на меня, требуя, чтобы я читал еще быстрее. Я не мог понять, что, на его взгляд, я должен почерпнуть из этих классических сочинений, а он сам не спешил это прояснить.

Я не переставал ломать голову, перебирая все мыслимые способы бегства. Хотя я имел возможность просто уйти отсюда, об этом даже не было речи. У меня не было ни сил, ни снаряжения, чтобы пересечь пустыню пешком, к тому же даже не зная, в какую сторону идти. Я предполагал, что Орсон держит свое средство передвижения запертым в сарае. Поэтому я выжидал, строил план, собирался с духом, чтобы расправиться с братом. Я не стану действовать необдуманно, поддавшись порыву. Жизнь мою спасут только четкий, продуманный план и безукоризненное его исполнение.

Меня успокаивало ведение дневника. Через несколько часов после захода солнца, когда я заканчивал читать и Орсон запирали меня на ночь в комнате, я садился на кровать и кратко записывал события прошедшего дня. Я писал где-то с час, нередко дольше, иногда отвлекаясь на мысли об озере и доме. Я составлял пространное описание своего имения, воскрешая в безжизненной пустыне запахи и звуки озера Норман летом. Вне всякого сомнения, этот промежуток времени стал для меня самым любимым, и я считал его своим оазисом. Весь день я только о нем и думал – я жил ради этого. И к тому времени, когда я убирал ручку и бумагу в ящик стола и гасил свет, я нередко слышал плеск волн в озере, шелест деревьев на ветру...

При всем своем уважении к времени я знал только то, что на дворе конец мая. Поскольку во время похищения был накачан наркотиками, я не мог точно сказать, какое именно было число, когда я пришел в сознание уже в пустыне. Возможно, между той грозовой ночью в мотеле и моим пробуждением в этом деревянном домике минуло несколько дней. Поэтому я озаглавливал свои записи в дневнике как «День 1», «День 2», «День 3» и так далее, начиная с первого дня, когда я пришел в себя. Я не мог понять, что заставляет Орсона скрывать от меня, какое сегодня число. В моем нынешнем положении это обстоятельство казалось не имеющим никакого отношения к делу, совершенно бесполезным, однако пребывание в неведении не давало мне покоя.

Что касается местонахождения дома, я не имел об этом ни малейшего понятия. Это могло быть любое место к западу от Великих равнин. Я набросал карандашом пейзажи,

открывающиеся с крыльца и из зарешеченного окна моей комнаты, в том числе горный хребет на северо-востоке и гряду бурых скал на севере. Я также зарисовал местную флору: полынь, перекасти-поле, люпин и другие пустынные растения, которые повстречались мне во время вечерних прогулок.

Временами после захода солнца, когда в небе оставалась лишь последняя узкая полоска багрянца, я видел вдали стада антилоп и чернохвостых оленей. Их силуэты на фоне горизонта причиняли мне боль, поскольку я завидовал свободе этих животных, неторопливо скрывающихся из виду. Эти наблюдения я также заносил в дневник, вместе с данными о зайцах и мешотчатых крысах с длинными хвостами. Хотя мне ни разу не доводилось видеть сов-сипух, их пронзительные крики звучали на протяжении всей ночи, а в дневную жару высоко в небе кружились грифы-индейки. Я надеялся, что мои подробные описания когда-нибудь помогут мне снова отыскать эту пустыню. Но, сказать по правде, я не представлял себе, будет ли мне когда-либо позволено покинуть мою тюрьму.

* * *

Я лежал в кровати, не в силах заснуть. Я закончил писать дневник, было уже поздно, и Орсон отключил на ночь генератор, поэтому в доме стояла полная тишина. На улице в темноте лишь ветер нарушал ночное безмолвие. Я чувствовал, как он пытается протиснуться в щели между бревнами. Ветер не утихал ни на минуту.

На протяжении последнего часа мне не давало покоя одно воспоминание.

Нам с Орсоном по восемь лет, мы играем в лесу в окрестностях Уинстона-Салема, штат Северная Каролина, под выбеленным августовским небом. Как и многих детей, нас интересует дикая природа. Орсон ловит серую ящерицу, бегущую по гнилому бревну. Воодушевленный его находкой, я прошу брата положить ящерицу на землю, и тот с дьявольской ухмылкой выполняет мою просьбу. Я достаю из кармана увеличительное стекло. Солнце светит ярко, и на чешуйчатой спине ящерицы тотчас же появляется ослепительное пятнышко. Сфокусированный солнечный луч прожигает насквозь живую плоть, и мы с Орсоном переглядываемся и радостно хохочем, наблюдая за тем, как ящерица корчится, пытаясь вырваться.

– Теперь моя очередь! – наконец говорит Орсон. – Ты держи ящерицу!

Мы мучим несчастное животное целый день. Когда мы вдоволь натешиваемся, я выбрасываю ящерицу в траву, но Орсон настаивает на том, чтобы забрать ее с собой.

– Теперь она принадлежит мне, – говорит он. – Она моя!

День 6 (после полуночи?)

Сегодня еще раз принял душ. Когда я бежал голый по раскаленной земле к колодезю, градусник показывал 95 градусов по Фаренгейту^[3]. Я ненавижу эту ледяную воду. Кажется, ее температура всего на несколько градусов выше точки замерзания, и когда она проливается на мое тело, у меня перехватывает дыхание. Я вымылся как можно быстрее, но к тому моменту как я полностью смыл с тела мыло, меня уже колотил озноб.

После заката я захотел прогуляться в пустыне, однако Орсон запер меня в моей комнате. В окно я увидел, как коричневый «Бьюик» уехал на восток по едва различимой грунтовой дороге, прямой стрелой уходящей к самому горизонту. Он будет отсутствовать несколько часов. Без него я чувствую себя гораздо спокойнее.

Наверное, «Поджигатель» уже начал поступать в книжные магазины, и у Синтии уже как минимум девять язв. Я ее не виню. Со дня на день должно было бы начаться мое рекламное турне по двадцати городам. Придется отменять встречи с читателями, радиопрограммы, выступления по телевидению. Это отрицательно скажется на продажах; возможно, издательство разорвет со мной контракт... Но сейчас я не могу заикливаться на этом. Все это мне неподвластно, и я только напрасно буду себя терзать.

Я по-прежнему читаю как сумасшедший. Последние два дня это были Эдгар По, Платон и Маккарти^[4]. Я по-прежнему не понимаю, что так упорно хочет показать мне Орсон. Проклятие, я даже не уверен, что он знает это сам. Брат также проводит дни напролет за книгами, и мне хочется узнать, что он ищет на тысячах страниц печатного текста, не хочет ли найти какого-нибудь героя, какой-нибудь сюжет или философский смысл, который объяснит или оправдает то, что он видит в зеркале. Но, полагаю, он находит лишь крупицы утешения, подобно тому отрывку о жестокости из «Государя» или психопату судьбе Холдену из «Кровавого меридиана».

Я слышу вдалеке шум приближающейся машины. Орсон впервые оставил меня одного, и это тревожит. Впрочем, возможно, он просто отправился за продуктами. Спокойной ночи.

* * *

Я прошел от кровати к шкафу и положил ручку и бумагу в средний ящик. Прятать мой дневник от Орсона бесполезно. К тому же он проявил определенную пристойность в отношении моего литературного творчества. По крайней мере, мне кажется, что брат до сих пор не читал мой дневник. Он уважительно относится к тому, что называет «внутренними побуждениями», каковыми считает мою писанину.

Вернувшись в кровать, я пошарил рукой и загасил керосиновый фонарь, который последние несколько дней использовал вместо лампы. В открытое окно послышался стук захлопнутой двери машины. Я постарался заснуть к тому моменту, как Орсон войдет в дом.

* * *

Голос брата повторял шепотом мое имя: «Энди! Энди! Эндрю Томас!»

Я открыл глаза, но ничего не увидел.

Настойчивый шепот продолжался:

– Ну же, приятель, у меня для тебя сюрприз. Ну, точнее, для нас обоих.

Ослепительный луч фонарика выхватил лицо Орсона – улыбка между испачканными кровью щеками. Брат зажег лампу над кроватью. У меня заболели глаза.

– Пошли. Мы теряем лунный свет.

Положив фонарик на ночной столик, Орсон сдернул с меня одеяло. Выглянув в окно, я увидел высоко в небе луну. Я почти не спал, мне не удалось отдохнуть.

Достав из моей сумки, лежавшей раскрытой в углу, джинсы и футболку, Орсон швырнул их мне. Нетерпеливо расхаживая по комнате в темно-синем рабочем комбинезоне и сапогах с железными набойками, маниакально возбужденный, он напоминал ребенка в парке развлечений.

Убывающая луна заливала голубым сиянием, ярким, словно дневной свет, все вокруг – заросли полыни, скалы и даже Орсона. Мое дыхание вырывалось в холодный ночной воздух облачками пара. Мы направились к сараю, и я, приблизившись, увидел перед двустворчатыми воротами «Бьюик», стоящий задом к нам, передом к воротам. Номерной знак был снят.

Кто-то заколотил в ворота изнутри, затем послышалось краткое причитание:

– ПОМОГИТЕ!

Увидев, что я остановился, Орсон развернулся.

– Скажи, что мы будем делать, – просил я.

– Ты зайдешь вместе со мной в сарай.

– Кто там?

– Энди...

– Нет. Кто там...

Я уставился на двух-и-одна-восьмая-дюймовый ствол своего «Смит-и-Вессона» из вороненой стали.

– Иди первым, – приказал Орсон.

Я под прицелом прошел вдоль строения. Сарай оказался больше, чем я предполагал: стороны длиной в сорок футов, крутая железная крыша – вероятно, чтобы зимой ее не продавил снег. Если так, то мы находились где-то далеко на севере. Мы подошли к воротам, и Орсон остановил меня. Достав из кармана ключ, он вставил его в замок, оглянулся на меня и усмехнулся.

– Тебе нравится пахта?

– Да, – ответил я, не в силах понять, к чему он клонит.

– Она тебе всегда нравилась?

– Нет.

– Совершенно верно. Ты пил пахту, потому что ее пил отец, но со временем ты ее полюбил. Ну, лично я считаю, что вкус у нее как у мочи, но ты к ней пристрастился. То же самое будет и сейчас. Сначала это вызовет у тебя отвращение. Ты будешь ненавидеть меня еще сильнее, чем ненавидишь сейчас. Но постепенно ты привыкнешь. Ты полюбишь и это. Обещаю. – Отперев замок, Орсон убрал ключ в карман. – Ни слова до тех пор, пока я тебе не скажу. – Улыбаясь, брат жестом предложил мне первому войти в сарай. – «Нечеловеческая жестокость», – прошептал он.

Я открыл дверь, и Орсон вошел следом за мной в сарай.

На полу посредине лежала женщина – с завязанными глазами, скованная наручниками, в кожаном ошейнике, прикрепленном цепью длиной пять футов к железному столбу. Столб был заделан в бетонное основание, а сверху он был приварен к балке перекрытия. Когда Орсон захлопнул дверь, женщина неловко поднялась на ноги и принялась бродить вокруг столба, стараясь определить, где мы находимся.

На вид ей было лет сорок пять. Светлые волосы с химической завивкой, излишне полноватая, в красной с серым тенниске и темно-синих брюках, белая кроссовка на одной ноге. Воздух в сарае был наполнен ароматом ее духов, из ссадины под повязкой на глазах вдоль носа стекала струйка крови.

– Где вы? Зачем вы все это делаете?

На самом деле ничего этого не происходит. Это представление. Мы играем в игру. Перед нами не человеческое существо.

– Проходи, садись, Энди, – сказал Орсон, указывая в дальний угол сарая.

Я прошел мимо железных полок с инструментом и уселся на зеленый складной стул у стены. Перед воротами валялась белая кроссовка, и у меня мелькнула мысль, зачем женщина ее сбросила. Она обратила в мою сторону свое залитое слезами лицо. Орсон подошел ко мне и встал рядом. Опустившись на корточки, он изучил блестящие стальные накладки на мысках сапог. Внезапно что-то стиснуло мне щиколотку.

– Извини, – пробормотал Орсон, – но я еще не доверяю тебе полностью.

Он надел мне на ногу кандалы, прикрученные к вбитому в пол здоровенному болту.

Засунув мой револьвер в глубокий карман комбинезона, брат направился к женщине.

– Зачем вы все это делаете? – снова спросила та.

Наклонившись, Орсон отер слезы с ее лица, двигаясь вслед за ней, так как она попятилась от него, обматывая цепь вокруг столба.

– Как тебя зовут? – мягко спросил он.

– Ш-Ширли, – ответила женщина.

– Ширли, а фамилия?

– Ширли Таннер.

Пройдя в противоположный конец сарая, Орсон взял две табуретки, стоявшие перевернутыми на полу. Он поставил их рядом, в пределах досягаемости цепи.

– Пожалуйста, – сказал он, подхватывая женщину под локоть, – присаживайся. – Когда они уселись, друг напротив друга, Орсон погладил ее по лицу, отчего она вся содрогнулась, словно от переохлаждения. – Ширли, пожалуйста, успокойся. Понимаю, тебе страшно, но ты должна перестать плакать.

– Я хочу домой! – дрожащим голосом, жалобно, по-детски прохныкала она. – Я хочу...

– Ширли, ты сможешь вернуться домой, – заверил ее Орсон. – Я просто хочу с тобой поговорить. Только и всего. В качестве пролога к тому, что будет дальше, позволь задать тебе несколько вопросов. Ширли, ты ведь знаешь, что такое пролог?

– Да.

– Конечно, это только догадка, но, глядя на тебя, я вижу человека, который проводит в обществе книг совсем мало времени. Я прав? – Женщина молча пожала плечами. – Что ты сейчас читаешь?

– Э... «Райский поцелуй».

– Это любовный роман? – спросил Орсон, и она кивнула. – О, извини, это не в счет. Понимаешь, любовные романы – это полное дерьмо. Пожалуй, и ты смогла бы написать

такой. Кстати, ты в колледже училась?

– Нет.

– Среднюю школу окончила?

– Да.

– Ого! Ты меня чуть не напугала, Ширли.

– Отвезите меня домой! – взмолилась она. – Я хочу к мужу!

– Перестань скулить! – строго приказал Орсон, и у нее по щекам снова потекли слезы.

Однако теперь он их уже не вытирал. – Сегодня с нами мой брат, – продолжал Орсон, – и для тебя это большое счастье. Он задаст тебе пять вопросов на любые темы: философия, история, литература, география, все что угодно. Тебе нужно будет правильно ответить по крайней мере на три из них. Ответишь – и я отвезу тебя назад. Вот почему тебе завязали глаза. Ты ведь не должна видеть мое лицо, если я собираюсь тебя отпустить, правильно?

Женщина робко покачала головой. Наклонившись к ней, Орсон понизил голос до шепота и заговорил ей на ухо, так, что я едва мог разобрать слова.

– Но если ты ответишь правильно меньше чем на три вопроса, я вырежу твое сердце.

Ширли застонала. Она неуклюже вскочила с табуретки, опрокинув ее, и попыталась бежать, однако цепь рывком бросила ее на пол.

– Встать! – рявкнул Орсон, поднимаясь с табуретки. – Если через пять секунд ты не будешь снова сидеть на месте, я посчитаю это непрохождением теста!

Ширли тотчас же поднялась с пола, и Орсон помог ей вернуться на табуретку.

– Успокойся, милочка, – сказал он, опять наполняя свой голос слащавыми нотками. – Соберись с духом, ответь на вопросы, и ты вернешься к своему мужу и... дети у тебя есть?

– Трое, – всхлипывая, ответила женщина.

– Уже утром ты будешь со своим мужем и тремя очаровательными детьми.

– У меня не получится! – проскулила она.

– В таком случае тебе придется испытать мучительную смерть. Все зависит от тебя, Ширли.

Единственная лампочка без абажура, освещавшая сарай, мигнула и погасла, и помещение погрузилось в темноту. Вздохнув, Орсон забрался на табуретку. Закрутив лампочку, он спустился и подошел ко мне.

– Валяй, Энди, – положив мне руку на плечо, сказал брат.

– Но... – Я судорожно глотнул. – Орсон, пожалуйста, не надо...

Наклонившись к моему уху, Орсон зашептал так, чтобы женщина не слышала:

– Задавай вопросы, иначе я прикончу ее у тебя на глазах! И это будет страшно. Ты сможешь зажмуриться, но слышать ты будешь всё. Вся пустыня услышит ее крики. Но если она правильно ответит на вопросы, я ее отпущу. Я не откажусь от своего обещания. Всё в ее руках. Вот в чем вся веселуха.

Я смотрел на несчастную, дрожащую на табуретке, чувствуя на плече руку брата. Правила здесь устанавливал Орсон, поэтому я задал первый вопрос.

– Назовите любые три пьесы Уильяма Шекспира, – натянато произнес я.

– Отлично! – воскликнул Орсон. – Ширли, это ведь хороший вопрос?

– «Ромео и Джульетта»! – выпалила женщина. – Мм... «Гамлет».

– Замечательно, – насмешливо произнес Орсон. – Еще одну, пожалуйста.

Помолчав немного, женщина радостно воскликнула:

– «Отелло»! «Отелло»!

– Да! – захлопал в ладоши Орсон. – Один из одного. Следующий вопрос.

– Кто в настоящее время является президентом Соединенных Штатов?

Орсон хлопнул меня по затылку.

– Слишком простой вопрос, поэтому теперь спрошу я. Ширли, взгляды какого философа выражены в этой цитате: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом»?

– Я не знаю! Черт возьми, откуда мне это знать?

– Если б ты хоть сколько-нибудь разбиралась в философии, ты бы знала, что это Кант.

Один из двух. Энди?

Взглянув на брата, я заколебался.

– Энди, задавай вопрос!

Я задумался.

– На каком холме был распят Иисус Христос?

Я бросил взгляд на Орсона, и тот одобрительно кивнул.

– На Голгофе, – слабым голосом произнесла женщина.

– Два из трех, – сказал Орсон, однако теперь в его голосе прозвучало недовольство.

– Четвертый вопрос. Когда...

– Теперь моя очередь! – перебил меня Орсон. – Ты сможешь задать последний вопрос,

Энди. Ширли, на каком континенте находится государство Габон?

Женщина ответила быстро, словно знала это:

– В Европе.

– О нет. Сожалею. В Африке. На западном побережье.

– Не надо больше! – взмолилась женщина. – Я дам вам деньги! У меня есть кредитные карточки! У меня есть...

– Замолчи! – воскликнул Орсон. – Играй честно. Я ведь веду честную игру. – У него побагровело лицо, он заскрежетал зубами. Когда это прошло, он сказал: – Все сводится к последнему вопросу. Энди, надеюсь, ты придумаешь что-нибудь хорошее, потому что в противном случае у меня приготовлен замечательный вопрос.

– Темой будет история, – начал я. – В каком году была подписана Декларация независимости?

Закрыв глаза, я молился о том, чтобы Орсон пропустил этот вопрос. Прошло десять секунд.

– Ширли! – сказал Орсон. – Я вынужден просить тебя дать ответ.

Я открыл глаза, и у меня внутри все перевернулось. Женщина была вся в слезах.

– В... в тысяча восемьсот девяносто шестом году? – неуверенно произнесла она. – О господи, в тысяча восемьсот девяносто шестом?

– ЭЭЭЭЭХХХХХ! Сожалею, ответ неправильный. Это произошло в тысяча семьсот семьдесят шестом году.

Женщина повалилась на бетонный пол.

– Двух правильных ответов из пяти недостаточно, – сказал Орсон, подходя к ней.

Наклонившись, он развязал повязку и, скомкав ее, бросил в меня. Ширли упрямо не смотрела на него.

– Какая жалость, Ширли, – сказал Орсон, обходя вокруг лежащей на полу женщины, сжавшейся в клубок. – Последний вопрос был проще простого. Я не хотел, чтобы мой брат увидел, что я с тобой сделаю.

– Извините! – задыхаясь, воскликнула несчастная, отрывая от пола свое покрытое ссадинами лицо.

Она впервые подняла взгляд на Орсона, и меня поразило, какие у нее невероятно добрые глаза.

– Сэр, не делайте мне больно!

– Ширли, ты приносишь свои извинения.

Орсон прошел к трем длинным металлическим полкам, установленным стоя в ряд вдоль стены. Со средней полки он взял кожаные ножны и серый точильный камень. Вернувшись назад, переставил свой табурет к стене, так, чтобы мы с Ширли не смогли до него достать. Усевшись, достал из ножен нож и подмигнул мне.

– Ширли! – вкрадчиво произнес Орсон. – Посмотри сюда, любовь моя! Я хочу кое-что у тебя спросить.

И снова женщина, подняв голову, уставилась на него, делая долгие астматические вдохи и выдохи.

– Ты способна оценить качественную работу? – спросил он. – Позволь рассказать тебе про этот нож.

Женщина забилась в истерике, однако Орсон не обращал никакого внимания на ее всхлипывания и мольбы. На какое-то время он забыл про меня, оставшись наедине со своей жертвой.

– Этот нож я приобрел у одного мастера из Монтаны, который сделал его по моему заказу. Невероятная работа. – Орсон принялся размеренно водить лезвием по точильному бруску. – Лезвие длиной пять с половиной дюймов, из углеродистой стали толщиной три миллиметра. Пришлось изрядно поломать голову, чтобы объяснить мастеру, где именно я намереваюсь применять этот нож. Потому что, видишь ли, нужно точно объяснить мастеру, для чего именно тебе нужен нож, чтобы он изготовил соответствующее лезвие. В конце концов я сказал этому типу: «Понимаешь, мне предстоит потрошить крупных зверей». И, по моему, это объяснение соответствует истине. Я хочу сказать, Ширли, я ведь собираюсь тебя выпотрошить. А ты разве не считаешь себя крупным зверем?

Ширли стояла на коленях, прижимаясь лицом к полу, и молилась. Я молился вместе с ней, а я ведь не верю в бога.

– Ну, должен сказать, я просто в восторге от того, как этот нож показал себя в деле, – продолжал Орсон. – Как можешь убедиться сама, лезвие с небольшими зазубринами, чтобы легче перерезать упругие грудные мышцы, но в то же время оно достаточно толстое, чтобы пробивать ребра. Должен сказать тебе, это редкое сочетание. Вот почему я заплатил за нож триста семьдесят пять долларов. Видишь рукоятку? Настоящая слоновая кость, купленная на черном рынке. – Он покачал головой. – Уникальный инструмент. Эй, Ширли, послушай, я хочу узнать твое мнение по одному вопросу. Посмотри сюда.

Женщина послушно подняла голову.

– Видишь эти пятна на лезвии? Они от кислот в мясе, которое я режу; вот я и подумал: поскольку я собираюсь тебя сейчас зарезать, тебе, наверное, будет жутко видеть эти пятна на лезвии и сознавать, что твое мясо также вскоре его испачкает? Или, наоборот, гораздо страшнее будет, если лезвие снова станет таким же сверкающим и гладким, как в тот день, когда я его только купил? Потому что, если это так, я возьму полировальную пасту и начищу лезвие до блеска.

– Не надо этого делать, – сказала Ширли, неожиданно усаживаясь на полу. Она

посмотрела Орсону в глаза, стараясь быть храброй. – Я дам вам все, что вы хотите. Все что угодно. Только скажите.

Орсон прыснул.

– Ширли, – совершенно серьезным тоном произнес он. – Я изложу все так, чтобы ты поняла. Мне нужно твое сердце. Так вот, если после того, как я у тебя его вырежу, ты встанешь и уйдешь отсюда, я не стану тебя останавливать. – Орсон встал. – Энди, я пойду отолю. Развлеки ее в мое отсутствие.

Пройдя к двери, Орсон отпер ее и вышел на улицу. Я услышал журчание струи по стене сарая.

– Мэм, – задыхаясь, прошептал я. – Я не знаю, что делать. Я очень сожалею. Я хочу...

– Я не хочу умирать! – остановила меня женщина, глядя с мольбой мне в глаза. – Не дайте ему убить меня!

– Я прикован к полу. Я хочу вам помочь. Только скажите...

– Пожалуйста, не убивайте меня! – закричала женщина, не слушая меня. Она принялась раскачиваться взад и вперед на корточках, словно ребенок, страдающий аутизмом. – Я не хочу умирать!

Открылась дверь, и в сарай вернулся Орсон.

– Что ж, тебе не повезло, – сказал он, – потому что час настал.

Сжимая нож в руке, мой брат неторопливо направился к женщине. Та поползла прочь от него, передвигаясь на одних только коленях, поскольку руки у нее оставались скованы за спиной. Однако цепь неизменно останавливала ее. Орсон хихикнул.

– Нет! – пронзительно вскрикнула женщина. – Вы не сможете!

– А ты посмотри, – сказал Орсон, склоняясь к ней и занося нож.

– Орсон, прекрати! – крикнул я, чувствуя, как сердце подступает к горлу.

Увидев, что под съезжившейся женщиной набежала лужица, Орсон с усмешкой оглянулся на меня.

Думай, думай, думай, думай!

– Ты... ты не можешь ее убить!

– Ты предпочитаешь сделать это сам? Мы не можем ее отпустить. Она знает наши имена. Видела наши лица.

– Не вырезай ей сердце, – прошептал я.

В моем голосе прозвучал стоящий в горле клубок слез.

– Я поступаю так со всеми и ни для кого не делаю исключений.

– Пока они еще живые?

– В этом вся прелесть.

– Ты сошел с ума! – крикнула Орсону женщина, но он пропустил ее слова мимо ушей.

– Только не сейчас, Орсон! – взмолился я, поднимаясь на ноги. – Пожалуйста!

– Отпустите меня! – крикнула Ширли.

– Сучка! – крикнул Орсон, ударяя ее в висок сапогом со стальной накладкой на мыске.

Она распласталась на полу.

– Откроешь рот еще раз – распрощаешься с языком. – Обернувшись, Орсон бросил на меня пылающий взор. – Замечательно, что ты здесь. Я хочу поделиться этим с тобой.

– Нет! – взмолился я. – Не трогай ее.

Оглянувшись на неподвижную жертву, Орсон снова посмотрел на меня.

– Предлагаю тебе выбор. – Подойдя к табуретке, он отложил нож и достал мой

револьвер. – Ты можешь пристрелить ее прямо сейчас. Избавить от боли. – Приблизившись ко мне, Орсон протянул револьвер. – Вот. Зрелище того, как ты убьешь ее без боли, доставит мне такое же удовольствие, как если б я сам убил ее так, как хотел.

Когда он повернулся к Ширли, я заглянул в барабан. Револьвер был полностью заряжен. – Ширли, вставай! Я же говорил, тебе повезло, что здесь мой брат.

Женщина не шелохнулась.

– Ширли, – повторил Орсон, направляясь к ней, – вставай!

Он пнул ее мыском, но она не двигалась. Орсон перевернул ее на спину. Висок был разбит, из уха сочилась кровь. Прижав два пальца к ее шее, Орсон подождал.

– Она мертва, – недоверчиво пробормотал он, оглядываясь на меня. – Нет, подожди, пульс есть! Он слабый, но есть. Я просто оглушил ее. Энди, вот твой шанс, – возбужденно промолвил он, отступая от женщины. – Всади в нее несколько пуль, пока она не пришла в себя! Целься в голову.

Я направил пистолет на брата.

– Брось мне ключи, – приказал я, но Орсон не двинулся с места.

Посмотрев на меня, он печально покачал головой.

– Это возвращает нас обратно к вопросу о доверии.

Я нажал на спусковой крючок, и револьвер выстрелил. Я стрелял снова и снова, наполняя сарай оглушительным грохотом. Облачко серого порохового дыма поднялось к балкам перекрытий. Наконец остался только сухой щелчок курка, ударяющего по стреляным гильзам.

Орсон даже не шелохнулся.

Выкатив глаза от изумления, я уставился на револьвер.

– Холостые, Энди, – сказал Орсон. – Я полагал, ты захочешь припугнуть меня, а ты без колебаний нажал на спусковой крючок. Вот это да!

Взяв с табуретки нож, он направился ко мне. Я бросил в него револьвер, целясь в голову, но промахнулся. Револьвер ударился в закрытую дверь.

– Она мертва, Энди, – сказал Орсон. – Я не собирался заставлять тебя смотреть на ее страдания. Только не в первый раз. И вот как ты мне отплатил? – Он был уже совсем рядом, с ножом в руке. – Меня так и подмывает всадить нож тебе в живот. Это желание практически непреодолимо. – Орсон толкнул меня на складной стул. – Но я этого не сделаю. Не сделаю.

Вернувшись к табурету, он положил на него нож и сходил за револьвером, лежащим на полу у двери. Подобрал револьвер, достал из кармана два патрона.

– Я бы сказал, что этот твой фокус является ошибкой номер два.

Вставив патроны, Орсон покрутил барабан. Остановившись, направил револьвер мне в грудь.

– Эти уже не холостые, – сказал он.

Щелчок.

Я увидел на лице брата облегчение.

– Не вынуждай меня делать это еще раз, – сказал он. – Мне не хотелось бы тебя убить. – Убрав револьвер в карман, он достал ключ от кандалов и толкнул его по полу ко мне. – Можешь воспользоваться моим ножом. Я вернусь за сердцем. Не оплошай. Положи тело на кусок пленки в углу. Иначе тебе придется отскабливать пол до самого Рождества.

Ко мне наконец вернулся дар речи.

– Орсон, я не смогу... – начал было я.

– У тебя есть четыре часа. Если к моему возвращению работа не будет выполнена, мы повторим нашу игру, но уже с тремя патронами.

Орсон распахнул дверь, и я увидел, что небо уже начинает багроветь. У меня мелькнула мысль, что сегодня рассвет не должен наступить. Он вообще больше не наступит никогда.

Орсон закрыл за собой дверь и запер ее. Я сжимал ключ в руке, но у меня не было ни малейшего желания освободиться от оков. Как я смогу прикоснуться к Ширли? Лежа на холодном жестком полу, она смотрела на меня. Ее добрые глаза, широко раскрытые, оставались совершенно пустыми. Я был рад, что она умерла. Рад за нее.

Передо мной лежал человек. Всего несколько часов назад Ширли Таннер была со своей семьей. Наклонившись, я поцеловал ее в лоб.

– Извини, – прошептал я. – Ты не...

Держи себя в руках. Теперь тебе это не поможет. Ты не мог ее спасти; ты не сможешь вернуть ее к жизни. У меня на глазах произошло ужасное зло – психическое издевательство над женщиной. Я рыдал. Когда слезы наконец высохли, я взял себя в руки, вытер глаза и принялся за работу.

Много лет назад, когда у меня было время охотиться в горах Северной Каролины, я однажды освежевал и выпотрошил оленя, подстреленного в лесу неподалеку от охотничьего домика. Сейчас мне предстояло то же самое. Человек ничем не отличается от животного. Эта женщина ничего не почувствует. Мертвое остается мертвым, независимо от того, кто оно.

Работа оказалась трудной. Но если вам уже приходилось извлечь какой-нибудь внутренний орган из одного крупного животного, вы сможете повторить это с другим. Вот только все значительно усложняло лицо. Я не мог на него смотреть, поэтому натянул на голову убитой ее собственную тенниску.

Взошедшее солнце быстро прогрело сарай, и вскоре внутри стало настолько жарко, что я не мог думать ни о чем другом, кроме как о глотке холодной воды из колодца. Мучавшая меня жажда подстегивала работу, и когда послышался звук открывающейся двери, задолго до того как истекли четыре часа, я уже почти закончил свой жуткий труд. В сарай вошел Орсон, по-прежнему в комбинезоне. В открытую дверь я увидел утреннее солнце, уже ослепительно яркое. Предстоял еще один восхитительный безоблачный день. Прежде чем Орсон закрыл дверь, в сарай проскользнул ветерок, и его прикосновение было просто волшебным.

– Энди, улыбнись!

Щелкнул моментальный фотоаппарат. Меня пронзило понимание, что самый страшный момент моей жизни запечатлен на снимке.

Мой брат выглядел уставшим – его глаза были наполнены мрачной меланхолией. Оторвавшись от работы, я отложил нож. Поскольку почти всю работу я выполнил, стоя на коленях, они ужасно болели, и я уселся на красную пленку. Орсон обошел вокруг тела, изучая мою работу.

– Я решил, что ты, наверное, хочешь пить, – слабым, опустошенным голосом произнес он. – Дальше я закончу сам, если только, конечно, ты ничего не имеешь против.

Я молча покачал головой.

– Работа неплохая, – заметил Орсон, изучая вскрытое тело. Взяв нож, он вытер его о штанину. – Ступай вымойся.

Я поднялся на ноги, но брат остановил меня прежде, чем я успел сойти с куска пленки.

– Разуйся! – приказал он.

Опустив взгляд, я увидел, что стою в луже крови.

– Нам в любом случае придется сжечь всю одежду, так что раздевайся прямо здесь. Я обо всем позабочусь.

Раздевшись, я свалил одежду в кучу. Даже трусы и носки были в крови. Раздевшись догола, я увидел, что руки у меня красные по локоть, а лицо забрызгано кровью. И все же, все

смоет холодный душ.

Подойдя к двери, я открыл ее. Хлынувший в сарай солнечный свет ослепил меня. Прищурившись, я обвел взглядом пустыню. Когда я шагнул на раскаленную землю, Орсон окликнул меня по имени, и я обернулся.

– Я не хочу, чтобы ты проникся ко мне ненавистью, – сказал он.

– А чего еще ты ждешь? После того как заставил меня смотреть на все это, а затем вынудил... резать ее?

– Мне нужно, чтобы ты понял то, что я делаю, – сказал Орсон. – Ты можешь постараться?

Я посмотрел на Ширли, неподвижную на куске пленки, с лицом, по-прежнему закрытым тенниской. Полная деградация. Я ощутил наворачивающиеся слезы, готовые разбить вдребезги то бесчувственное оцепенение, которое поддерживало меня на протяжении последних нескольких часов. Ничего не ответив, я закрыл за собой дверь. Через несколько шагов мои пятки уже горели на раскаленном песке, и я побежал к колодцу. На стене душевой кабины был закреплен бак с краном. Наполнив из ведра бак, я открыл кран. Когда ледяная вода ударила о землю, я зарыл ступни в грязи. Волосы у меня на руках были испачканы засохшей кровью. В течение десяти минут я начисто отскабливал свою кожу, стоя под серебристой головкой душа, чуждым предметом в этой безжизненной пустыне, чувствуя, как ледяная вода струится мне на голову.

Выключив воду, я вернулся в дом и какое-то время постоял на крыльце, совершенно голый, дожидаясь, когда сухой обжигающий ветер высушит мое тело. Чувство вины, гнетущее и неумолимое, маячило на задворках моего сознания. Моя душа оставалась такой же грязной, какой и была.

Я увидел самолет, оставляющий инверсионный след на высоте нескольких миль над пустыней. Щурясь на солнце, всмотрелся в металлический цилиндр вдалеке, гадая: «Видите ли вы меня? Кто-нибудь смотрит на меня сейчас в крошечный иллюминатор? Видит ли он меня и то, что я совершил?» Самолет скрылся из виду, и я почувствовал себя как маленький ребенок – летний вечер, половина девятого, а я уже в кровати, остальные дети еще играют на улице, и я, слезами призывая сон, слышу их смех.

Из сарая вышел Орсон, держа на руках тело, завернутое в пленку. Отойдя в пустыню ярдов на пятьдесят, он бросил тело в яму. Ему потребовалось несколько минут, чтобы засыпать ее. Затем Орсон направился обратно к дому, и когда он приблизился, я заметил у него в руке маленький полиэтиленовый пакет.

– Оно там? – спросил я, когда он поднялся на крыльцо.

Молча кивнув, Орсон вошел в дом. Я последовал за ним. Он остановился у двери своей комнаты и отпер ее.

– Сюда тебе нельзя, – сказал Орсон, не открывая дверь.

– Я хочу увидеть, что ты с ним сделаешь.

– Я положу его в морозильник.

– Дай мне посмотреть твою комнату, – настаивал я. – Мне любопытно. Ты ведь хочешь, чтобы я понял?

– Сначала оденься.

Сбегав к себе в комнату, я быстро натянул чистые джинсы и майку. Когда я вернулся, дверь в комнату Орсона была открыта, и он стоял перед морозильником.

– Теперь я могу зайти? – спросил я, остановившись в дверях.

– Да.

Комната Орсона была больше моей. Справа от меня стояла низкая односпальная кровать, аккуратно заправленная красным покрывалом. У стены рядом с кроватью Орсон соорудил еще один книжный шкаф, гораздо меньше, но также набитый книгами. У дальней стены под незарешеченным окном стоял морозильник. Когда я приблизился к Орсону, он как раз открыл дверцу.

– Что там? – спросил я.

– Сердца, – сказал Орсон, закрывая морозильник.

– Сколько?

– Пока что еще недостаточно.

– Это трофей? – спросил я, указывая на газетную вывеску, приколотую к стене рядом с морозильником. Пробежав ее взглядом, увидел, что имена, даты и места замазаны черным маркером. – «Изуродованное тело найдено на строительной площадке», – прочитал я вслух. – Мама будет гордиться тобой.

– Когда ты делаешь дело хорошо, разве тебе не хочется, чтобы тебя признали?

Закрыв морозильник, Орсон прошел к кровати. Плюхнувшись на нее, вытянул руки и зевнул, после чего улегся на красное покрывало и уставился в стену.

– Вот так я себя чувствую, когда все заканчивается, – сказал он. – У меня в груди пустота. Вот здесь. – Он указал на сердце. – Ты не можешь себе это представить. Знаменитый писатель... Я хочу сказать, абсолютно ничего. Я живу в бревенчатом доме посреди пустыни, и это все. Вот пределы моего существования. – Он скинул сапоги, и на каменный пол просыпался песок. – Но я – это не только то, что лежит в морозильнике. Мне принадлежит то, что в нем. Теперь это мои дети. Я помню рождение каждого из них.

Я сел и откинулся на бревенчатую стену.

– Через пару дней депрессия пройдет и я снова буду чувствовать себя нормально, как и все вокруг. Но затем и это также пройдет, и там, где сейчас пустота, появится огонь. Испепеляющее желание сделать это снова. И я ему подчинюсь. И весь цикл повторится сначала.

Он посмотрел на меня умирающими глазами, и я постарался не проникнуться к нему состраданием. Но он был мой брат.

– Ты себя слышишь? Ты болен.

– Раньше я сам тоже так думал. Догмат стоицизма советует жить согласно своей природе. Тот, кто пытается быть чем-то таким, чем он на самом деле не является, уничтожает себя сам. Приняв свою природу, пусть жестокую, я примирился с собой. Перестал ненавидеть себя и то, что я делаю. Прежде после очередного убийства мне бывало гораздо хуже, чем сейчас. Я подумывал о том, чтобы свести счеты с жизнью. Но теперь я уже заранее готовлюсь к депрессии, и это позволяет мне значительно легче переносить отчаяние и чувство утраты. – Самоанализ повысил настроение Орсона. – Мне действительно лучше, Энди, когда ты рядом. Это весьма удивительно.

– Быть может, твоя депрессия порождается чувством вины, что вполне закономерно после убийства невинной женщины.

– Энди, – сказал Орсон, и голос его прозвучал веселее, что было свидетельством перемены темы, – я хочу рассказать тебе, что поразило меня, когда я прочитал твою первую книгу, которая, кстати, мне понравилась. Твои книги не заслуживают той критики, что им достается. Они гораздо глубже, чем просто ужастики. Так или иначе, прочитав «Убийцу и его

оружие», я осознал, что мы с тобой занимаемся одним и тем же.

– Нет. Я пишу, а ты убиваешь.

– Мы оба убиваем людей, Энди. И то обстоятельство, что ты делаешь это словами, напечатанными на бумаге, не оправдывает того, что скрывается в твоём сердце.

– Между прочим, читателям нравится, как я рассказываю о преступлениях, – сказал я. – Если б у меня хорошо получалось сочинять научную фантастику, я бы занимался именно этим.

– Нет, для тебя в убийстве, в безумной жестокости есть нечто завораживающее. И ты удовлетворяешь эту страсть литературным творчеством. Я же удовлетворяю ее самым действием. Так кто же из нас живет в гармонии со своей природой?

– Между тем, как проявляется наша страсть, бесконечная пропасть, – возразил я.

– Значит, ты признаёшь, что у тебя страсть к убийству?

– Исключительно ради дискуссии. Но мои книги никому не делают больно.

– Так далеко я бы не заходил.

– И каким же образом мои книги убивают?

– Прочитав «Убийцу и его оружие», я почувствовал, что больше не одинок. Энди, ты знаешь, как мыслят убийцы. Почему они убивают. Когда десять лет назад у меня это началось, я был озадачен и напуган тем, что происходило в моем сознании. Я тогда был бездомным, проводил дни напролет в библиотеке. Я еще не приступил к действию, но огонь в груди уже разгорался.

– Где ты тогда находился?

Орсон покачал головой.

– В городе N. Я ничего не расскажу тебе о своем прошлом. Но каждое слово в твоей книге подкрепляло те чувства, которые я испытывал. Особенно ярость. Я хочу сказать, что тебе, для того чтобы описать отрицательного героя, необходимо было близкое знакомство с той яростью, с которой я жил. И, разумеется, оно у тебя было. – Он усмехнулся. – Как-никак ты мой брат-близнец. К сожалению, у меня не было твоего литературного дара, чтобы направить свою ярость в другое русло, поэтому людям пришлось умирать. Но твоя книга... она меня воодушевила. Если хорошенько задуматься, это весьма забавно. Оба мы страдаем одним и тем же заболеванием, но только тебя оно сделало богатым и знаменитым, а меня – серийным убийцей.

– Скажи мне вот что, – сказал я, и Орсон приподнялся на руке. – Когда это началось?

Он задумался, прокручивая мысль в голове.

– Восемь лет назад. Зимой тысяча девятьсот восемьдесят восьмого. Нам было по двадцать шесть лет, и это был последний год, когда я оставался бездомным. Как правило, мне приходилось спать на улице, поскольку я засиживался в библиотеке до девяти вечера, до самого закрытия, а к этому времени все ночлежки уже оказывались заполнены.

Если ты хочешь пережить холодную ночь без крыши над головой, нужно отправляться туда, где горят костры, – в промышленный квартал, рядом с железнодорожными путями. Там поблизости много складов, так что повсюду валяется различный деревянный мусор. Бездомные разводят костры в пустых бочках и поддерживают их до утра, когда снова открываются библиотеки и закусочные.

В ту конкретную ночь ночлежки были заполнены, поэтому после того, как библиотека закрылась, я направился на товарную станцию. Путь был неблизкий, мили две, а то и больше. По дороге туда мне становилось все хуже и хуже. Меня охватила ярость. В последнее

время мне уже много раз приходилось идти этой дорогой. Особенно по ночам. Я ловил себя на том, что ругаюсь вслух и громко кричу. Я снова и снова прокручивал в голове эти образы. Сосредоточиться было невозможно. Я не знал, что со мной происходит.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Р. Фрост «Пространства», пер. В. Топорова. – *Здесь и далее прим. пер.*

«Гадальное печенье» – печенье из двух половинок, между которыми вкладывается листок с шутивным предсказанием или пророчеством.

35 градусов Цельсия.

Кормак Маккарти (р. 1933) – американский писатель, автор эпического антивестерна «Кровавый меридиан».